SHOUT
SHARE
IT

Annotation

Эти биографические очерки были изданы около ста лет назад в серии «Жизнь замечательных людей», осуществленной Ф.Ф.Павленковым (1839–1900). Написанные в новом для того времени жанре поэтической хроники и историко-культурного исследования, эти тексты сохраняют ценность и по сей день. Писавшиеся «для простых людей», для российской провинции, сегодня они могут быть рекомендованы отнюдь не только библиофилам, но самой широкой читательской аудитории: и тем, кто совсем не искушен в истории и психологии великих людей, и тем, для кого эти предметы – профессия.

- Софья Ермолаевна Усова
  - ПРЕДИСЛОВИЕ
  - ГЛАВА I
  - ГЛАВА II
  - ГЛАВА III
  - ГЛАВА IV
  - ГЛАВА V
  - ГЛАВА VI
  - ИСТОЧНИКИ
- notes
  - 1
  - 2

Софья Ермолаевна Усова
Николай Новиков. Его жизнь и общественная деятельность

Биографический очерк С. Е. Усовой

С портретом Новикова, гравированным в Петербурге К. Адтом

ПРЕДИСЛОВИЕ

Николай Иванович Новиков представляет в истории русской литературы и просвещения такую крупную величину, которую не могут обойти молчанием историки нашей культуры. Уже одного этого достаточно, чтобы всякий образованный человек знал его; но этого мало: он представляет еще и другой интерес как замечательный тип человека, в котором жило страстное стремление к добру и свету и в характере которого лежал запас такой энергии, какая редко встречается. Новиков не блещет какими-нибудь резкими поступками и яркими индивидуальными чертами: его сплошь и рядом даже не видно как отдельную фигуру, он как-то стушевывается и тонет в общественном деле, которое делает тихо, спокойно, систематически из года в год и

которое ставит выше всего. Объясняется это, как нам кажется, его чисто русской склонностью действовать не в одиночку, а сообща, кружком: он никогда не действовал один, а всегда окружал себя друзьями и близкими по духу людьми. В петербургском периоде его жизни он еще виднее, хотя также вы видите только его издания и не знаете, что именно там писал он сам. В московский период, когда его окружали Шварц, Лопухин, Походяшин и другие, в том или ином отношении выдающиеся люди, – он еще меньше заметен, хотя и не перестает работать и играть первенствующую роль. Не менее интересна также и его судьба на мрачном фоне конца XVIII и начала XIX столетий. К сожалению, о Новикове далеко еще не все известно, и такие подробные исследования, как Лонгинова и Незеленова, заключают в себе немало пробелов. Так, например, мы очень мало знаем о домашней и семейной жизни Николая Ивановича, о том, какие именно статьи в издававшихся журналах принадлежат его перу, не знаем подробностей производившегося над ним следствия и т. п. Хотя после исследования Лонгинова в трудах русского исторического общества и появились очень ценные документы из архива Шешковского, но они отличаются отрывочностью и неполнотой.

Кроме вышеуказанных источников, мы заглянули и в другие, где могли что-либо найти о Новикове, но, само собою разумеется, отмеченных пробелов не устранили.

ГЛАВА I

Благочестивая семья. – Служба Новикова в Измайловском полку. – Занятия в комиссии депутатов. – Жизнь русского поместного дворянства в то время. – Новиков выходит в отставку и посвящает себя просветительской деятельности. – Первые русские журналы и газеты

Николай Иванович Новиков родился 27 апреля 1744 года в родовом поместье отца своего, отставного статского советника Ивана Васильевича, в селе Авдотьине Коломенского уезда Московской губернии. Отец Новикова служил при императоре Петре I во флоте, а затем, при Анне Иоанновне, в чине капитана перешел в статскую службу; при императрице Елизавете Петровне он вышел в отставку статским советником. У Ивана Васильевича было порядочное состояние: 700 душ крестьян, частью в Калужской, частью в Московской губерниях, и деревянный дом в Москве у Серпуховских ворот. После его смерти состояние это перешло к жене, а от нее к детям, которых у Ивана Васильевича, кроме сына Николая, было еще трое: сын Алексей, моложе Николая Ивановича, и две дочери.

О детских годах Николая Ивановича мы имеем немного сведений. Знаем только, что он рос в благочестивой семье и сам был религиозен с раннего возраста; знаем также и о том, что грамоте учил его сельский дьячок, который, конечно, не мог передать ему никаких сведений, кроме уменья читать, да, может быть, с грехом пополам писать. Однако родители Новикова сознавали потребность в большем образовании для своего сына и в 1758 году отвезли его в Москву, где с 12 января 1755 года существовал уже университет, а совместно и одновременно с ним была основана дворянская гимназия. В эту-то гимназию, во французский класс, как значится по спискам, и отдан был Николай Иванович. Пробыл он там три года. Преподавание в этой гимназии велось в то время крайне плохо. Знаменитый впоследствии Фонвизин, отданный туда родителями около того же времени, рассказывает, например, о тогдашнем преподавании следующее: учитель латинского языка, для вразумления учеников на экзамене относительно спряжений и склонений, имел на кафтане пять пуговиц, обозначавших число склонений, а на камзоле четыре для обозначения числа спряжений. Самому Фонвизину, как он говорит, была присуждена по географии медаль за то, что он на вопрос: куда впадает Волга? – ответил: “Не знаю”. А перед ним два ученика сказали: один – “В Белое

море”, а другой – “В Черное”. Тем не менее, и такое жалкое преподавание, по словам Фонвизина, заронило в него любовь к словесным наукам. Весьма вероятно, что оно зародило такое доброе семя и в Новикове, даже помимо его сознания. Учился он, по-видимому, плохо, потому что после трехлетнего пребывания в гимназии был исключен из нее “за леность” и “нехождение в классы”, как значится в “Московских ведомостях” того времени. Тут следует заметить, что имена исключаемых за нерадение учеников, по решению университетской конференции, печатались в “Московских ведомостях” ко всеобщему сведению, для устыжения провинившихся. Вместе с Новиковым в числе исключенных значится и столь знаменитый впоследствии Потемкин.

О плохих успехах Новикова свидетельствует также и то, что после трехлетнего пребывания во французском классе он совершенно не усвоил себе этого языка и впоследствии говорил о себе как о человеке, совершенно невежественном в иностранных языках.

Итак, в 16 лет Новиков поневоле окончил курс образования и поступил, по обычаю большинства молодых дворян, на военную службу. Отец его за два года перед тем умер. Новиков вступил на службу в лейб-гвардии Измайловский полк в январе 1762 года, как раз при воцарении Петра III. Служба при этом государе была тяжелой, и Новикову пришлось волей-неволей посвящать все свое время трудным и непривычным для него занятиям.

Однако обстоятельства изменяются скоро в благоприятную для него сторону.

28 июня 1762 года произошел государственный переворот. Екатерина была провозглашена императрицей. Измайловскому полку, начальник которого, граф Разумовский, многие офицеры и даже две роты солдат были посвящены в заговор, – суждено было сыграть видную роль в этом перевороте. Новиков стоял на часах у подъемного моста, перекинутого через ров, окружавший казармы, когда туда приехала Екатерина в сопровождении Алексея Григорьевича Орлова. Измайловцы первые приняли присягу Екатерине и получили за это много наград. Новиков был произведен в унтер-офицеры.

Военная служба при Екатерине II вскоре приобрела совсем особый характер: она сделалась не столько службой, сколько светским времяпрепровождением. В гвардии празднества сменялись празднествами. Офицеры старались превзойти друг друга в роскоши и в безумных кутежах. Жить на широкую ногу, держать карету и, по крайней мере, четверку лошадей, роскошную квартиру и массу прислуги было для каждого из них

почти обязательным. Бедные, боясь навлечь на себя презрение товарищей, тянулись за богатыми и впадали в долги. О службе мало кто думал. Императрица смотрела сквозь пальцы на разные служебные упущения, а между тем в полках происходили не только упущения, но подчас и такие злоупотребления, что, “если бы их изобразить, – говорит в своих записках Болотов, – то потомки наши не только стали бы удивляться, но едва ли в состоянии были поверить”.

Вот в такой-то среде, проводившей жизнь в пиршествах и в погоне за наслаждениями, довелось служить Новикову. Но он, по-видимому, устоял от соблазна, и вместо того, чтобы тратить время на разгул и забавы, стал заниматься чтением и пополнять свое скудное образование. В 1767 году, когда начали отправлять в Москву молодых гвардейцев для занятия письмоводством в комиссии депутатов для составления нового Уложения, Новиков был взят в числе прочих как человек, выделявшийся образованностью среди своих товарищей. В комиссии он вел дневные записки по 7-му ее отделению и журналы общего собрания депутатов. Последние Новиков читал при докладах самой императрице, которая таким образом лично его узнала.

Участие Новикова в занятиях комиссии имело, по всем вероятиям, большое влияние на его последующую деятельность. Тут перед ним открывались разнообразные вопросы русской жизни, высказывались различные мнения участников комиссии; он знакомился с русским судоустройством, с положением и бесправием крестьян; словом, перед ним развернулась полная картина русской жизни, со всеми ее темными сторонами и невежеством не только низших, но и высших классов. Мысль его невольно должна была сосредоточиться на двух вещах: на необходимости просвещения и борьбы с дикостью и невежеством средствами сатиры, для которой русское общество давало обильный материал.

Русская жизнь представляла в то время пеструю картину, где внешний блеск, стремление к европейской образованности, увлечение новыми идеями энциклопедистов перемешивались с крайним невежеством, распущенностью и грубостью нравов, суеверием, ханжеством и самой возмутительной жестокостью.

Старые устои жизни не хотели уступать новым требованиям, отчасти в силу привычки, рутины, а отчасти и потому, что это новое, шедшее на смену старому, являлось иногда в таких комически уродливых формах, что могло скорее отталкивать, чем привлекать людей более серьезных. Встречались, конечно, и тогда уже просвещенные люди, но их было еще очень немного; большинство же коснело в невежестве, представляя из себя или

круглых неучей, смотревших недоверчиво и даже враждебно на всякие новшества, или невежд, прикрытых европейским лоском, стремившихся перенять у французов все, начиная с модных идей энциклопедистов и легких нравов и кончая прической и туалетами.

Высший класс нашего общества жил в то время совсем по-европейски: меблировали квартиры, ели, пили, вели себя на балах, как европейцы, а между тем немногие даже из сиятельных вельмож хорошо знали русскую грамоту. Грибовский, статс-секретарь императрицы в последние годы ее царствования, говорит, что из всех современных ему вельмож только двое знали русское правописание: князь Потемкин и граф Безбородко. О чиновниках, офицерах, вообще о служащих средних классов нечего было и говорить. Для поступления на службу не требовалось почти никакого образовательного ценза, никаких соответствующих познаний.

Такое невежество являлось у нас, конечно, результатом скверного воспитания, которое давалось тогда нашему юношеству. Воспитание это было двоякого рода: в первом случае наши дворянские сынки вырастали на лоне природы, не утруждая себя никакими занятиями, кроме, пожалуй, грамоты, преподавателями которой являлись дьячки, отставные солдаты, писари и прочий грамотный или, лучше сказать, полуграмотный люд, случайно занесенный судьбою в помещичью усадьбу. Мы знаем, что так выучился грамоте Новиков, так же учились и Карамзин, и Державин, и Иван Иванович Дмитриев, и многие другие, впоследствии знаменитые люди, которые стали знаменитыми, конечно уж не благодаря воспитанию, а вследствие особенных выдающихся личных свойств и самостоятельного труда. Как бы там ни было, они все равно благодаря своей личной талантливости не затерялись бы в толпе; но зато сколько же Митрофанушек выходило из наших помещичьих семей благодаря подобному “воспитанию”! Но если не привлекателен Митрофанушка, то еще менее привлекательны и в то же время более жалки типы вроде Иванушки, данного нам Фонвизиным в комедии “Бригадир”, и Фюрлюфюшкова, выведенного Екатериною в комедии “Именины г-жи Ворчалкиной”. Невежественные Иванушки и Фюрлюфюшковы, презирающие все русское, говорящие на каком-то особом полурусском, полуфранцузском языке и ставящие едва ли не выше всего в жизни уменье хорошо в жизни одеться и причесаться по моде, являются продуктами воспитания другого рода, при котором в роли воспитателей фигурировали гувернеры-иностранцы и чаще всего французы. Весьма редко воспитателями подобного рода являлись люди,

достойные носить звание педагога. В большинстве же случаев на эту роль попадали проходимцы, покидавшие свое отечество или вследствие каких-нибудь темных и неблаговидных поступков, за которые им пришлось бы у себя дома нести ответственность, или просто потому, что в России они, ничего не зная и не делая, могли выгодно устроиться. По невежеству своему наши помещики не могли оценить познаний учителя, которому они поручали детей, и потому в учителя мог попасть всякий, лишь бы он был иностранцем. По сообщениям Порошина (воспитателя цесаревича Павла Петровича), к одному московскому дворянину нанялся чухонец, выдававший себя за француза, и научил его детей чухонскому языку.

Можно ли удивляться, что при том невежестве, в котором пребывало наше общество, в нем царили суеверие, ханжество, разврат и жестокость? Религия представлялась для большинства одной лишь формой, лишенной всякого содержания, и очень мало способствовала смягчению сердец, а постоянная праздность и совершенно бесправное положение крепостных крестьян давали полный простор для разгула страстей и для жестокости наших помещиков. Взгляды на брак и на любовь были в то время самые низменные. Взаимные измены супругов не только не осуждались в обществе, но считались как бы в порядке вещей, и на любовь смотрели с самой грубой, чувственной точки зрения. Можно сказать, что большинство нашего дворянства XVIII века было почти чуждо истинным духовным интересам и преследовало в жизни одну цель – наслаждение, понимая его в самом грубом, почти исключительно физическом смысле, и нисколько не думая о том, какой ценой оно покупается. Оно жило, развратничало и веселилось…

Окончив работать в комиссии, Новиков вернулся в Петербург. К этому времени в нем уже, вероятно, созрело решение посвятить свои силы литературе и отечественному просвещению. В 1768 году, будучи произведен в прапорщики лейб-гвардии Измайловского полка, он вышел в отставку поручиком армии.

Еще раньше, по достижении совершеннолетия, Николаю Ивановичу и брату его Алексею, за выделом матери и сестер, досталось около 400 душ: 250 в Мещовском уезде Калужской губернии, небольшая деревня в Дмитровском уезде Московской губернии и 130 душ в Коломенском, а вместе с тем Авдотьино и дом в Москве.

В 1769 году Новиков впервые выступил на поприще просветительной деятельности, которая продолжалась более двадцати лет и благодаря которой имя Новикова заняло почетное место в ряду благороднейших и полезнейших деятелей нашего

отечества.

Мы можем разделить эту деятельность на два периода: первый продолжался от 1769 до 1779 года. В течение его Новиков занимается изданием в Петербурге сатирических журналов, а также собиранием и изданием материалов по отечественной истории и литературе. К этому же периоду относится начало издания журнала “Утренний свет”, религиозно-нравственное направление которого свидетельствует о вступлении Новикова на путь масонства.

Ко второму периоду, длившемуся от 1779 до 1791 года, относится типографская и издательская деятельность его в Москве.

Первый из этих периодов совпадает с очень важным моментом в истории нашего отечества, вполне благоприятствовавшим литературной деятельности. С одной стороны, ей покровительствовала императрица, находившаяся тогда в самом разгаре своих либеральных стремлений и сознававшая яснее, чем кто-либо, насколько Россия была невежественна и насколько она отстала от Западной Европы. Желая сблизить нас с Европой, она не только допускала к нам приток новых идей из Франции, не только покровительствовала поездкам наших молодых дворян за границу и знакомству их с Европой, но старалась и Европу познакомить с нами. Знаменитый “Наказ” был переведен у нас, по желанию императрицы, на иностранные языки, чтобы сделать его доступным для западных держав. Между прочим, он был послан в немецком переводе самой Екатериной Фридриху II, королю прусскому.

Императрица переписывалась с Дидро, Вольтером и даже пригласила Д’Аламбера в воспитатели к цесаревичу. Конечно, Д'Аламбер отказался, но императрица доказала этим, насколько она сочувствовала тогда идеям энциклопедистов. В России она склонна была также приветствовать и ободрять всякий талант, появлявшийся в литературе.

Так, Фонвизин читал своего “Недоросля” запросто, как во дворце Павла Петровича, так и у самой императрицы. Но этого мало. Как мы далее увидим, императрица не только приняла вскоре личное участие в сатирических журналах, помещая в них свои статьи, но она первая начала сатирическую деятельность, сделавшись неофициально редактором одного из журналов.

С другой стороны, и в самом обществе, хоть и слабо, но уже стало проявляться стремление к просвещению. Московский университет, несмотря на всю бедность своих научных сил, все же начал оказывать известное влияние на общество. Явилась потребность в книге, в литературе. Но литературы у нас еще не

было. Хотя газеты появились в России еще при Петре I, но так как они не были вызваны жизнью, а явились искусственно, по желанию Петра, то и носили совершенно сухой, официальный характер. Первая газета появилась в Москве 2 января 1703 года – это были “Ведомости”. 2 января 1728 года появился первый номер “Академических петербургских ведомостей”. “Московские ведомости” стали издаваться уже при университете с 26 апреля 1756 года. Это были чисто официальные издания.

Первый русский журнал разнообразного содержания издавался Миллером с 1755 по 1764 год под заглавием “Ежемесячные сочинения, к пользе и удовольствию служащие”. Журнал этот имел характер тоже каких-то сухих ученых летописей. В 1759 году стали издаваться в Петербурге первые литературные журналы. Это были “Праздное время, в пользу употребленное” и “Трудолюбивая пчела” Сумарокова. Существовали они, впрочем, очень недолго. Зато в Москве с 1760 по 1764 год возникли: “Полезное увеселение” Хераскова, его же “Свободные часы”, “Невинное упражнение” Богдановича и “Доброе намерение” Сенковского. Это были журналы почти исключительно литературного характера. Профессор Московского университета Рейхель издавал тогда журнал с научной целью “Собрание лучших сочинений к распространению знаний и к произведению удовольствия”. В 1764 году прекратились два последних журнала, и с 1765 до 1769 года в России журналов не было, а из газет издавались только “Ведомости” в С.-Петербурге и Москве.

ГЛАВА II

“Трутень” и его сатирические стрелы. – Полемика между Екатериной II и Новиковым. – “Живописец” и отношение к нему автора комедии “О, время!”. – Прекращение сатирических журналов в России. – Новиков выступает в роли издателя научных сочинений по истории и географии России. – “С.-Петербургские ученые ведомости”

В 1769 году в Петербурге появился целый ряд сатирических журналов. Первым по времени вышел журнал “Всякая всячина” Г.В. Козицкого, но истинным руководителем его, по исследованию академика Пекарского, была сама императрица, помещавшая там свои статьи. Таким образом императрица сделала первый шаг в области сатирической литературы и тем как бы призвала и других следовать ее примеру. Необходимость и пользу сатиры сознавал еще Петр I, сознавала и Екатерина II; притом и склад ее ума был, несомненно, несколько сатирическим. Но насколько потребность в сатире была в то время велика и сознавалась многими, лучше всего можно видеть из того, что вслед за “Всякой всячиной” в том же 1769 году вышло еще семь журналов, а всего до 1775 года их выходило шестнадцать. Из числа этих журналов Новикову принадлежало три: “Трутень” (1769–1770 гг.), “Живописец” (1772–1773 гг.) и “Кошелек” (1774 г.). “Трутень”, издававшийся потом небольшими книжечками, выходил первоначально листами.

Обложка одного из изданий Новикова

Обложка одного из изданий Новикова

Небезлюбопытно познакомиться с содержанием этого журнала: он состоял из статей в форме писем, разговоров, словарей и ведомостей, из стихотворений, остроумных объявлений, эпитафий и эпиграмм, направленных главным образом против общих недостатков того времени, хотя подчас не

давалось пощады и отдельным лицам, если они того заслуживали. В “Трутне” принимали участие известные тогдашние писатели: В. И. Майков, А. О. Аблесимов, М.А. Попов, Ф.А. Эмин, издававший в том же году и свой собственный журнал “Адская почта”. Кроме того, было много статей, подписанных разными псевдонимами, инициалами и совсем никем не подписанных, авторы которых, несмотря на все старание библиографов, не были открыты. Несомненно, что некоторые из этих статей, а может быть, и большая часть, принадлежали самому Новикову.

Новиковские журналы резко выделялись из остальных: по содержательности, талантливости, остроумию и живости они занимали первое место и имели по тому времени большой успех. В то время как другие сатирические журналы в большинстве случаев скользили только по поверхности жизни, новиковская сатира всегда отличалась идейностью и серьезностью мысли. Уже в самом введении к “Трутню”, где Новиков шутя говорит о своей лени и якобы неспособности быть полезным обществу на других поприщах, он перебирает все роды общественных положений, службы и деятельности того времени и едко подчеркивает их слабые стороны. Вот что, например, говорит он о придворной службе:

> “Придворная служба всех покойнее и была бы всех легче, ежели бы не надлежало знать науку притворства гораздо в вышних степенях, нежели сколько должно знать ее актеру; тот превосходно входит в разные страсти времени, а сей беспрестанно то же делает, а тово-то я и не могу терпеть. Придворный человек всем льстит, говорит не то, что думает, кажется всем ласков и снисходителен, хотя и чрезвычайно надут гордостью. Всех обнадеживает и тогда же позабывает, всем обещает и никому не держит слова; не имеет истинных друзей, но имеет льстецов, а сам так же льстит и угождает случайным людям. Кажется охотником до того, от чего имеет отвращение. Хвалит с улыбкою тогда, когда внутренне терзается завистью. В случае нужды никого не щадит, жертвует всем для снискания своего счастия; а иногда, полно, не забывает ли и человечество! Ничего не делает, а показывает, будто отягощен делами, – словом, говорит и делает почти всегда противу своего желания, а часто и противу здравого рассудка”.

Точно так же и в журнале Новиков постоянно смотрит в корень вещей. Осмеивая, например, неразборчивых европейских

подражателей, он укоряет их не только за то, что они подражают лишь европейской внешности и дурным сторонам, чем не приносят ни себе, ни отечеству никакой пользы и благодаря чему превращаются только в ходячие карикатуры, но и указывает на непосредственный экономический вред для страны, которая меняет свои богатства на предметы роскоши и моды, вообще на чужие пустяки. Так, например, в VI листе "Трутня" за 1769 год помещено было такое объявление из Кронштадта:

> "На сих днях прибыли в здешний порт корабли – "Trompeur" из Руана в 18 дней, "Vetilles" – из Марселя в 23 дня. На них следующие нужные нам привезены товары: шпаги французские разных сортов, табакерки черепаховые, бумажные, сургучные, кружева, блонды, бахромы, манжеты, ленты, чулки, пряжки, шляпы, запонки и всякие так называемые галантерейные вещи… А из Петербургского порта на те корабли грузить будут разные домашние безделицы, как то: пеньку, железо, юфть, сало, свечи, полотно и пр. *Многие наши молодые дворяне смеются глупости господ французов, что они ездят так далеко и меняют модные свои товары на наши безделицы".*

А вот объявление, направленное против тех молодых людей, которые ехали моды ради за границу и не приобретали там ничего, кроме уменья одеваться и беспутно проводить жизнь:

> "Молодого российского поросенка, который ездил по чужим землям для просвещения своего разума и который, объездив с пользою, вернулся уже совершенною свиньею, желающие смотреть могут его видеть безденежно по многим улицам сего города".

Не следует, однако, думать, что Новиков восставал вообще против путешествий за границу и тем более против разумных и полезных наблюдений над европейской жизнью. Нет, он восставал лишь против таких путешественников, которые привозили из-за границы "только известия, как там одеваются", да пространные описания обо всех тамошних "увеселениях и позорищах". А таких путешественников было немало, и их-то Новиков и имел в виду: "…почти ни от одного из них не слыхал, – говорит он, – чтобы сделали они свои примечания на нравы… народа, или на узаконения, на полезные учреждения и пр., *делающие путешествие толико нужным…"*

Ясно, чего хотел и требовал Новиков от путешествий.

Указывая на то, что мы склонны были менять свои старинные добродетели на чужие пороки, он, однако, не идеализировал огульно ни старины нашей, ни тогдашнего состояния общества. В старине ему нравились только простота жизни, нравов, доброе и заботливое отношение к слабым, отсутствие вражды и резкой разделенности общества на породы и классы, вообще то, что находило и впредь будет находить оправдание с высших точек зрения. Это все тот же золотой век, о котором мечтали многие философы, век, оставшийся позади, но не только не противоречащий образованности, а напротив, долженствующий благодаря ей опять наступить с устранением из нажитого всего дурного. Новиков был большим сторонником простой сельской жизни, мирного земледельческого труда, никогда, по-видимому, не упускал из виду этого идеала и всегда противополагал его дурным сторонам и направлениям общественной жизни. Что же касается тогдашнего состояния общества, то у него много сатир, направленных против невежества и лени наших помещиков, против грубости их нравов и ненависти к наукам, против злоупотреблений в суде и администрации. Вот, например, письмо от проживающего в провинции дяди к столичному племяннику, которое мы находим в “Трутне”. Дядя спрашивает племянника, почему тот не хочет идти в приказную службу, и говорит: “И ежели ты думаешь, что она по нынешним указам ненаживна, так ты в этом, друг мой, ошибаешься”. Затем он предлагает целый проект взяточничества: ты просись, говорит, только в прокуроры да заручись знатными людьми, тогда “мы так искусно будем делать, что на нас и просить[1] нельзя будет. А тогда, как мы наживемся, хоть и попросят, так беда будет невелика, отрешат от дел и велят жить в своих деревнях. Вот те на, какая беда!”

Недурны также объявления: “В некоторое судебное место потребно правосудия 10 пудов”, или: “Недавно пожалованный воевода отъезжает в порученное ему место и для облегчения в пути продает свою совесть; желающие купить могут его сыскать в здешнем городе”.

Но особенной едкостью и остроумием проникнуты сатиры против крепостного права. Вот, например, некий Змеян ездит по городу и всех увещевает быть жестокими с крепостными людьми, чтобы “они взора его боялись, чтобы они были голодны, наги и босы и чтобы одна жестокость держала сих зверей в порядке и послушании”.

Еще лучше рецепт для г-на Безрассуда, напечатанный в “Трутне” за 1769 год:

“Безрассуд болен мнением, что крестьяне не суть

человеки… Он с ними точно так и поступает… никогда с ними не только что не говорит ни слова, но и не удостаивает их наклонением своей головы, когда они по восточному обыкновению пред ним на земле распростираются. Он тогда думает: *я – господин, они – мои рабы; они для того и сотворены, чтобы, претерпевая всякие нужды, день и ночь работать и исполнять мою волю исправным платежом оброка; они, памятуя мое и свое состояние, должны трепетать моего взора.* Бедные крестьяне любить его, как отца, не смеют, но, почитая в нем своего тирана, его трепещут. Они работают день и ночь, но со всем тем едва имеют дневное пропитание, затем, что насилу могут платить господские поборы. Они и думать не смеют, что у них есть что-нибудь собственное, но говорят: это не мое, но *Божие и господское”.*

Такая злая ирония скоро сменяется у Новикова негодованием:

> “Безрассудный! – восклицает он. – Разве ты не знаешь, что между твоими рабами и человеками больше сходства, чем между тобой и человеком!” Затем в конце сатиры автор прописывает Безрассуду от его болезни такого рода рецепт: “Безрассуд должен всякий день по два раза рассматривать кости господские и крестьянские до тех пор, пока найдет он различие между господином и крестьянином”.

Говоря о “Трутне”, нельзя умолчать о полемике, которую вели между собою “Трутень” и “Всякая всячина”, или, лучше сказать, скрывавшиеся за ними Новиков и императрица Екатерина. Спор возник из-за нравственных вопросов и воззрений, но не в этом было дело: Екатерина II, очевидно, не ожидала, что сатира пойдет так далеко и будет касаться самых основ жизни, самых слабых и наиболее больных ее сторон. Она, по всей вероятности, думала, что “Всякая всячина” будет образцом и камертоном для других сатирических журналов, что они будут ограничиваться обличениями общего свойства, ни для кого, в сущности, не обидными, будут обличать скупость, глупость, любостяжание, невежество, щеголей и щеголих, петиметров и кокеток по возможности безотносительно, чтобы чтение, наводя на добрые размышления, доставляло приятное развлечение. Вначале Екатерина именно так и смотрела на роль сатирической литературы; только потом уже – и, может быть, отчасти под

влиянием полемики с “Трутнем” – она стала обнаруживать более глубокий взгляд на сатиру, что сказалось, например, в ее собственных, часто обличительных произведениях, в сочувствии другому новиковскому журналу (“Живописцу”) и в том, что она хотела, по-видимому, не прекратить, а только сдержать и поставить сатиру в известные пределы.

Резкость Новикова была ей неприятна. Она была человеком менее радикальным и гораздо более практичным и дипломатичным. В то время как другие сатирические журналы сделались, действительно, только приятным развлечением и простым зубоскальством, Новиков сразу подошел к делу и поставил для своей сатиры твердо определенную цель. И жизнь высших сфер, которых он касался, и крестьянский вопрос, и “мудрость” тогдашнего двуличия были предметами очень щекотливыми. Когда такие огромные умы, как Вольтер и Руссо, допускали освобождение крестьян лишь условно и постепенно, с разными оговорками, когда такие независимые люди, как Дидро, снискивали себе милости от монарших щедрот, то можно себе представить, как смотрели и относились к подобным вещам русское высшее общество и более влиятельные люди того времени, с которыми Екатерина ссориться не хотела. Ей можно было одних убрать, а других прибрать к рукам лишь постепенно, и со многими из них она вела настоящую дипломатическую игру…

Полемика между “Трутнем” и “Всякой всячиной” началась, как это нередко бывает, с частных и неважных случаев. Так, например, “Трутень” изобличил какую-то светскую барыню, совершившую в лавке кражу и велевшую потом избить купца, когда тот, не желая осрамить ее при публике, явился к ней на дом за получением украденного. Обличение это не понравилось “Всякой всячине”, и она ответила, что к слабостям человеческим надо относиться снисходительнее. На это “Трутень” возражал, что странно считать воровство пороком и преступлением в одних случаях, когда воруют простолюдины, и только слабостью в других случаях, причем очень остроумно смеялся над подобным открытием “Всякой всячины”. Та отвечала в свою очередь, но в ответе ее уже слышалось раздражение. От частного факта спор незаметно перешел к общим положениям. По словам “Всякой всячины”, “все разумные люди признавать должны, что один Бог только совершен; люди же смертные без слабостей никогда не были, не суть и не будут”. А “Трутень” опровергал такой взгляд и говорил: “Многие слабой совести люди никогда не упоминают имя порока, не прибавив к нему человеколюбия. Они говорят, что слабости человекам обыкновенны и что должно оные прикрывать

человеколюбием; следовательно, они порокам сшили из человеколюбия кафтан; но таких людей человеколюбие приличнее назвать пороколюбием…" По мнению "Трутня", "больше человеколюбив тот, который исправляет пороки, нежели тот, который оным снисходит или (сказать по-русски) потакает". "Всякая всячина" сердилась все более и более и говорила обидные вещи "Трутню"; тот менее раздражался, но в долгу также не оставался: "Вся вина "Всякой всячины", говорил он, состоит в том, что она "на русском языке изъясняться не умеет и русских писаний обстоятельно разуметь не может"; ежели "она забывается и так мокротлива, что часто не туда плюет, куда надлежит, то от этого надо лечиться" и т. п.

В полемике этой приняли участие и другие журналы, причем особенно любопытно то обстоятельство, что сторону Новикова приняли почти все остальные журналы, за исключением только Чулковского "Ни то ни сё", который в этом случае присоединился ко "Всякой всячине". Полемика эта кончилась как будто бы ничем, т. е. каждый из противников остался, по-видимому, при своем мнении, но на самом деле произошло следующее: "Трутень", очевидно, под внешним давлением, вскоре изменил свой резкий характер, особенно в следующем году. На внешние обстоятельства есть уже указания в 1769 году, например, в доброжелательном письме некоего Чистосердова, напечатанном в одном из июльских листов "Трутня", где автор предостерегает, что в зеркале его видят себя многие знатные бояре, и добавляет, что сам имел несчастие тягаться с боярами, "угнетавшими истину, правосудие, честь, добродетель и человечество", и убедился, что "лучше иметь дело с лютым тигром".

Затем эпиграф к "Трутню" 1770 года также указывает на неприятное заключение, вынесенное издателем из опыта; именно, что "опасно наставленье строго, где зверства и безумства много"; наконец, лучше всего "внешние обстоятельства" могут сказываться в том, что многие влиятельные люди, относившиеся вначале совсем иначе к "Трутню", были им недовольны. Это с одной стороны. А с другой, если мы обратим внимание на вышедшие в 1772 году комедии императрицы "О, время!" и "Именины г-жи Ворчалкиной", в которых сатира отличается большей определенностью и значительной резкостью, то можно думать, что императрица несколько склонилась на сторону взглядов Новикова. И в отношениях ее к нему не только не последовало ухудшения, а как будто бы они даже изменились к лучшему, особенно с 1772 года, когда Новиков стал издавать новый сатирический журнал "Живописец". Стала ли она действительно признавать правоту его взглядов и ценить его как

умного и полезного человека, входило ли в ее желания, чтобы он вновь начал издавать журнал, или только она не хотела тому препятствовать, – сказать довольно трудно.

Ни для кого в Петербурге не было тайной, что только что появившаяся комедия “О, время!” принадлежит перу императрицы, хотя она и скрыла свое имя, и Новиков посвятил свой новый журнал автору этой комедии, как бы ему неизвестному. Самое это посвящение очень интересно. Прежде всего оно полно всяких “вежливостей” и комплиментов. Новиков очень хвалит пьесу, изображавшую пороки соотечественников, говорит, что перо автора “достойно равенства с Мольеровым”, благодарит за удовольствие и просит продолжать писать для исправления нравов и для доказательства, что дарованная умам российским вольность употребляется для пользы отечества. Но в то же время он высказывает и несколько общих пожеланий, небесполезных для руководства автору в будущей литературной деятельности: “Истребите из сердца всякое пристрастие, – говорит он, – не взирайте на лицо; порочный человек во всяком звании равного достоин презрения. Низкостепенный порочный человек, видя себя осмеиваемым купно с превосходительным, не будет иметь причины роптать, что пороки в бедности только единой пером вашим угнетаются”. Далее Новиков говорит, что пример автора побудил и его к подражанию и затем высказывает пожелание, чтобы автор открыл свое имя: “Может ли, – говорит он, – такая благородная смелость опасаться угнетения в то время, когда по счастию России и к благоденствию человеческого рода владычествует нами премудрая Екатерина”. Впрочем, добавляет Новиков, если бы автор и не открыл своего имени, уважение его к нему вследствие этого не уменьшится. Начиная и кончая комплиментами, Новиков, по всей вероятности, платил известную официальную дань, хотя, может быть, был в значительной степени и искренен, так как Екатерина все-таки была человеком выдающихся способностей и сочувствовала литературе и просвещению. В ответ на это она написала Новикову послание, напечатанное также в “Живописце”, в котором говорит, что пишет для своей забавы, но будет рада, если сочинения ее принесут пользу, а что имени своего она не считает нужным объявлять, хотя и не скрывает. Кроме того, – что для Новикова было особенно важно, – она выразила сочувствие “Живописцу” и его издателю и говорила, что посвящение ей “Живописца” считает для себя честью и охотно примет в нем сотрудничество. Из этого можно видеть, как внимательна была Екатерина в первое время своего царствования к людям, отличавшимся образованием, талантами и трудами на пользу общественную, и как склонна она

была показывать пример в этом отношении.

“Живописец” так же, как и “Трутень”, выходил листами. Сатирический его отдел велся настолько живо, остроумно и талантливо, что читался с огромным удовольствием и интересом всеми классами русского общества. “Живописец” выдержал несколько изданий и читался в течение целого полувека. Предметы его сатиры те же, что и в “Трутне”. Так же нападает он на неразборчивое подражание французам, причем опять говорит, что дурно не само подражание, а подражание неразборчивое, не отличающее пороков от добродетелей, а падкое на пороки. Если в “Трутне” Новиков, говоря о старинных русских началах, как-то особенно подчеркивал их в положительном смысле, чем мог иногда порождать недоразумения и предположения о какой-то особенной склонности к ним, наподобие славянофильской, то в “Живописце” подобных недоразумений уже не остается. Тут мы встречаем такую мысль, что народу, выходящему из тьмы неведения и жестокосердия, вполне естественно подражать народам просвещенным, и есть что у них позаимствовать: науки, художество, промыслы, гуманность и прочее, но что не следует только подражать отрицательным сторонам европейской жизни. Чрезвычайно остроумно и художественно осмеивает “Живописец” образ жизни пустых светских людей, взгляд их на жизнь и даже сам их язык.

Вот как, например, говорит некая щеголиха в своем письме к “Живописцу”: “Mon coeur,[2] Живописец! Ты, радость, беспримерный автор. Как все у тебя славно: слог расстеган, мысли прыгающи… клянусь, что я всегда фельетирую твои листы без всякой дистракции…” и т. д. Опять немало сатир посвящено описанию быта дворян, живущих по-старинному и боящихся просвещения, описанию их суеверий, ханжества, семейного произвола, любви к сутяжничеству, описанию жестокого их отношения к крестьянам, а также и таких общих служебных пороков, как взяточничество, казнокрадство и т. д. Статьи о положении крестьян были опять настолько резки, что вызвали сильное недовольство со стороны дворянства и высокопоставленных лиц, хотя сама императрица относилась к ним, по-видимому, снисходительнее. Говорят, что будто бы ее перу принадлежало в “Живописце” письмо, предупреждавшее его быть осторожнее. В письме этом, писанном от лица восьмидесятилетнего старика”, нет никаких угроз, а, напротив, сочувствие журналу и желание, чтобы он удержался: “Я плакал от радости, – говорится в письме, – что нашелся человек, который против господствующего ложного мнения осмелился говорить в печатных листах… Однако ж пиши осторожнее; любя тебя, я

сожалеть буду, если прервется твой журнал".

Очень возможно, что эта причина, т. е. недовольство лиц влиятельных, бывшая одним из поводов закрытия "Трутня", повлекла за собою и закрытие в 1773 году "Живописца", хотя, с другой стороны, мы замечаем в самом Новикове какую-то перемену – не то охлаждение к сатире, не то желание действовать в другом направлении, которое в то время казалось ему более полезным. "Живописец" за все время своего существования составил две части по 36 листов в каждой, и вот во второй-то части, выходившей в 1773 году, и можно заметить в Новикове отмеченную перемену.

В этой части есть тоже сатирические статьи, но есть зато и несколько статей отвлеченного характера, в которых выражается уже некоторое разочарование в жизни и задатки будущей склонности к мистицизму. Между прочим в этой части Новиков впервые высказывает заветные планы своей дальнейшей деятельности. В письме некоего Любомудрова из Ярославля, написанном, очевидно, самим Новиковым, сообщается просьба к издателю: дать знать всем мыслящим россиянам об основании "общества, старающегося о напечатании книг". В ответ на это письмо издатель говорит, что общество это должно еще иметь целью и старание о продаже книг, особенно в провинции, где нет столичных развлечений, а читать трудно, потому что книги попадают туда лишь случайно и продаются втридорога. Попечение об этом Новиков считает должным возложить не на государство, а предоставить частным лицам. Затем Новиков помещает в этой же части письмо к Слободско-Украинскому губернатору Е.А. Щербинину, в ответ на предложение последнего Новикову участвовать в учреждении типографии при харьковских училищах. Тут он высказывается о необходимости типографий для печатания книг, способствующих просвещению.

В 1774 году Новиков делает новую и последнюю попытку издавать сатирический журнал: в июле он начинает издавать "Кошелек", который, однако, выпускается очень недолго и прекращается на 9-м листе.

В отношении сатиры журнал этот был слабее предыдущих, и программа его была уже, чем у "Трутня" и "Живописца", так как он почему-то сосредоточился на осмеянии галломании. Галломания заставляет Новикова возвратиться опять к защите старинных русских добродетелей. В предисловии к "Кошельку" проводится мысль, что галломания есть одна из причин многих пороков русского общества и что у каждого народа свой характер. Вообще, журнал относился гораздо снисходительнее к немцам и к англичанам, чем к французам. Объясняется это, по всей

вероятности, тем, что в высшем обществе в то время было особенно много галломанов. Кто сотрудничал в “Кошельке”,– неизвестно, но статьи его были очень резки, как относительно русских французолюбов, так и относительно самих французов, которые выставлялись в непривлекательном виде. Говорят, что резкость статей вооружила против Новикова многих придворных и высокопоставленных лиц и что неприятности, которые он испытывал, и были причиною закрытия “Кошелька” в сентябре 1774 года. Весьма возможно, что прекращение “Кошелька” обусловливалось также и внутренним состоянием Новикова, о котором мы сказали выше: его тянуло действовать на пользу просвещения другими путями. Очень возможно, что временное возвращение к сатире являлось лишь плодом душевного колебания, которыми сопровождаются подобные переходы, и было вызвано усилившейся галломанией и желанием с нею посчитаться.

С прекращением “Кошелька” Новиков не издавал уже больше сатирических журналов, если не считать выпуска в свет в 1775 году 3-го издания “Живописца”, которое он несколько видоизменил, а именно: выкинул из него все статьи отвлеченного характера и прибавил несколько сатир из “Трутня”, сделав, таким образом, сатирический сборник. Другие сатирические журналы прекратились еще раньше новиковских. Главной причиной этого, говорят, была перемена настроения при дворе. Многие приписывали эту перемену возвышению Потемкина и тому, что турецкая война кончилась, после чего правительству больше не надо было отвлекать общественного внимания от внешних событий посредством литературы. Так ли это было или нет, но верно одно, что обстоятельства, благоприятствовавшие существованию сатирических журналов, исчезли. Впрочем, независимо от этого большинство их не добилось особенных успехов и расходилось хуже новиковских. Своей журнальной деятельностью Новиков доказал, что он не только обладал большими природными дарованиями, но и успел приобрести за это время немало знаний и сделаться образованным человеком. Кроме того, чтобы заинтересовать тогдашнее, еще малоразвитое и грубое, общество, надо было знать и понимать это общество и его интересы. С прекращением “Кошелька” Новиков как бы отказался от сатирической литературной деятельности и перешел к деятельности “положительной”. Мы уже сказали, что его сильно тянуло в эту сторону. Хотя в позднейших московских его журналах сатира получила опять значительное место, – что, вероятно, обусловливалось не только сознанием ее необходимости, а и склонностью к ней, – но в данный период мы

видим, что он уходит совсем в другую область. Он начинает в ней действовать еще во время издания сатирических журналов: уже тогда он сознавал недостаточность одной только отрицательной деятельности и не довольствовался только проповедованьем необходимости печатного слова и просвещения в России. Сознавая потребности времени и желая принести как можно больше пользы своему отечеству, Новиков задумал издавать научные сочинения для ознакомления общества с Россией, с ее историей, географией и литературой. С этою целью он издал в 1772 году “Опыт исторического словаря о российских писателях”. Книгу эту он посвятил наследнику цесаревичу. В заглавии ее сказано, что она заимствована из “печатных и рукописных книг, сообщенных извлечений и словесных преданий”. “Словарь” заключает в себе сведения о писателях светских и духовных. Кроме имен известных, как, например, Ломоносова, Сумарокова, Хераскова, Фонвизина и других, тут встречаются и имена писателей малоизвестных, но замечательных, тем не менее, по уму и образованию.

Из предисловия к “Словарю” видно, что целью его издания было исправление ошибок и пристрастных суждений одного русского путешественника, который напечатал в лейпцигском журнале 1766 года известие о русской литературе. Новиков убедительно просил своих читателей и любителей русской литературы сообщать материалы и критические замечания на его книгу. Таким образом, тут уже высказывается стремление Новикова действовать сообща, привлечь к своей деятельности все общество. Как литературный критик Новиков не может быть поставлен особенно высоко. В этом отношении он не стоял выше своих современников. Внешней стороне литературного произведения он придавал такое же, если не большее значение, как и содержанию его; он особенно ценил чистоту и возвышенность слога и находил, что естественное изображение жизни должно быть несколько приукрашено искусством.

В 1773 году Новиков приступил к изданию памятников, относящихся к изучению географии и истории России. В этой работе, конечно, были у него помощники, может быть, и более его знающие, но ему принадлежит мысль о необходимости изучения своего отечества, и в этом его громадная заслуга. Кроме того, на этом поприще у него было немного предшественников: дело было новое, и только благодаря его энергии и предприимчивости оно могло так успешно пойти.

Первым документом, напечатанным им в 1773 году, была книга “Древняя российская идрография, содержащая описание Московского государства, рек, протоков, озер, кладезей и какие

на них города и урочища”.

Из предисловия ее видно, что она была напечатана с рукописи, принадлежавшей тогдашнему библиофилу Петру Кирилловичу Хлебникову и сличенной с пятью другими списками. Книга эта заключает в себе описание России при царе Федоре Алексеевиче. К сожалению, вышла только ее первая часть. Императрица была в числе подписчиков на эту книгу.

В том же 1773 году началось осуществление замысла, которому “Идрография” послужила как бы подходом. Начали издаваться памятники русского законодательства и дипломатических сношений, всякого рода летописей, грамот, родословных, разного рода описаний и пр. Собрание это называлось “Древняя российская вивлиофика, или Собрание разных древних сочинений, яко то: российские посольства в другие государства, редкие грамоты, описание свадебных обрядов и других исторических и географических достопамятностей и многие сочинения древних российских стихотворцев и многие другие весьма редкие и любопытства достойные исторические достопамятности”. Всего десять частей. Выходило оно с 1773 до 1775 года, сначала выпусками в пять листов, а потом книгами. Императрица, увидев пользу в таком издании, стала всячески ему содействовать и приказала Г. В. Козицкому передать Новикову для напечатания несколько редких рукописей, а в октябре 1773 года предписала ученому Г.Ф. Миллеру сообщать Новикову копии с разных актов московского архива, который Миллер в то время разбирал. Кроме того, императрица содействовала предприятию Новикова и денежными пособиями. Так, 3 ноября 1773 года она пожертвовала ему тысячу рублей, а 1 января 1774 года – 200 голландских червонцев. “Вивлиофика” имела большой успех. Оканчивая в 1775 году десятую часть ее, Новиков поднес императрице план нового сборника в таком же роде на 76-й год под заглавием “Сокровища российских древностей”. Он предполагал помещать в нем описание монастырей, церквей, городов, гербов, монет, разборы книг по русской истории с приложением портретов государей. Императрица подписалась уже на 6 экземпляров, но издание это почему-то не состоялось.

Взамен его в 1776 году Новиков напечатал две исторические рукописи: “Историю о невинном заточении боярина Артамона Сергеевича Матвеева, состоящую из челобитен, писанных им к царю и патриархам, также из писем к разным особам, с приобщением объявления о причинах его заключения и о возвращении из оного” и первую часть “Скифской истории”, написанной в 1692 году стольником Андреем Лызловым.

В 1777 году Новиков попытался еще раз осуществить

несостоявшееся перед тем издание сборника под заглавием “Повествователь древностей российских, или Собрание разных достопамятных записок, служащих к пользе истории и географии российских”. В первом номере его были помещены, между прочим, документы, доставленные издателю по высочайшему повелению из комнатной библиотеки дворца статс-секретарем Кузьминым. Но сборника этого вышла одна только первая часть. Полагают, что он был уничтожен, и этим объясняют его редкость. В марте же 1777 года Новиков стал издавать “Санкт-Петербургские ученые ведомости”. Это была попытка создать орган, посвященный критике и литературе. В предисловии приглашались все ученые мужи и любители российской словесности сотрудничать с “Ведомостями”. Призыв этот нашел в обществе отклик: стали присылаться статьи. Кто были сотрудники Новикова, – неизвестно, так как статьи были или вовсе без подписи или подписаны инициалами, но несомненно, что в то время издатель имел связи с передовыми и образованнейшими людьми своего времени и пользовался среди них большим почетом. Так, в печатных списках действительных членов “Вольного российского собрания”, учрежденного в 1771 году при Московском университете куратором его Мелиссино, среди имен известнейших русских ученых и писателей находится и имя Н.И. Новикова.

В “С.-Петербургских ученых ведомостях” разбирались издания самого Новикова и другие научные и чисто литературные произведения, выходившие в то время. “Ведомости” существовали недолго: вышло только 22 номера. Тем не менее, они успели разобрать до 37 сочинений и изданий разнообразного содержания: исторических, поэтических, нравоучительных, педагогических и духовных. По большей части статьи эти явились библиографическими описаниями книг с указанием их содержания и подробностей изданий. При этом высказывались литературные и научные взгляды. “Ведомости” относились с особой любовью к русской истории, ставили очень высоко занятия этим предметом и прославляли наших историков того времени: князя Щербатова, Татищева и других. Кроме того, доказывая пользу и необходимость собирания исторических материалов, они указывали на приемы и способы таких работ. Литературные взгляды “Ведомостей” сходны со взглядами, высказываемыми в “Словаре”.

В сентябре 1777 года Новиков стал издавать ежемесячный журнал “Утренний свет”, содержание и направление которого тесно связано с его религиозно-мистическим увлечением и с вступлением его в масоны, к чему нам и предстоит теперь

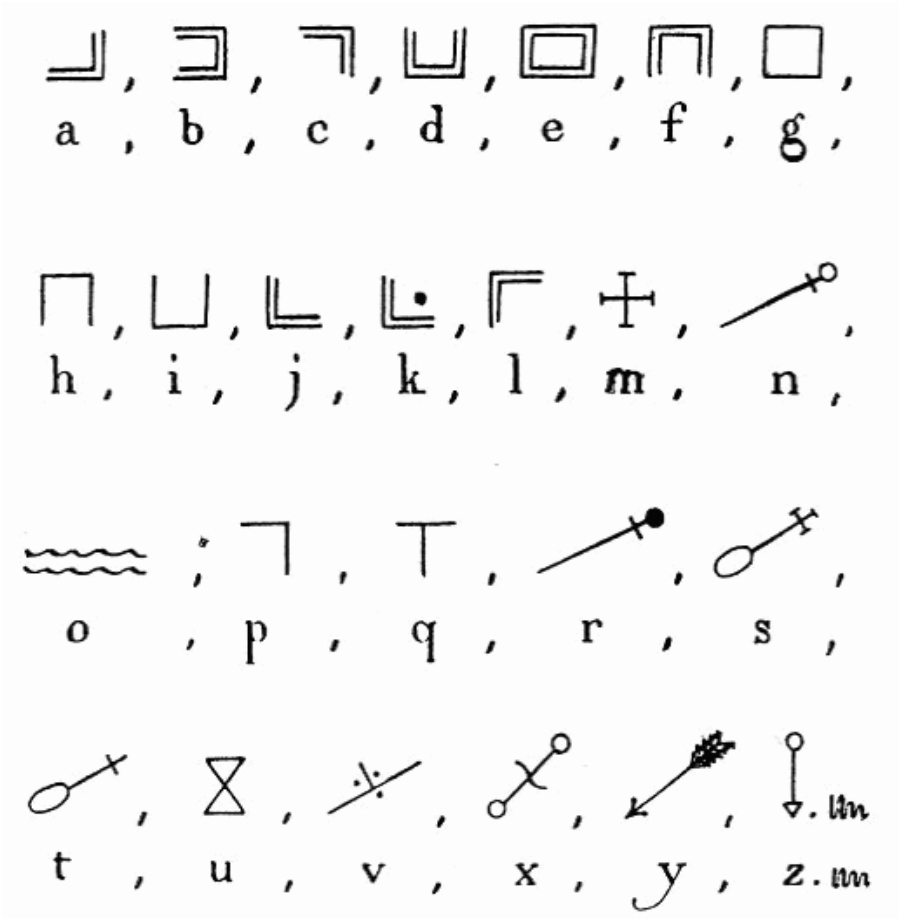
перейти.

ГЛАВА III

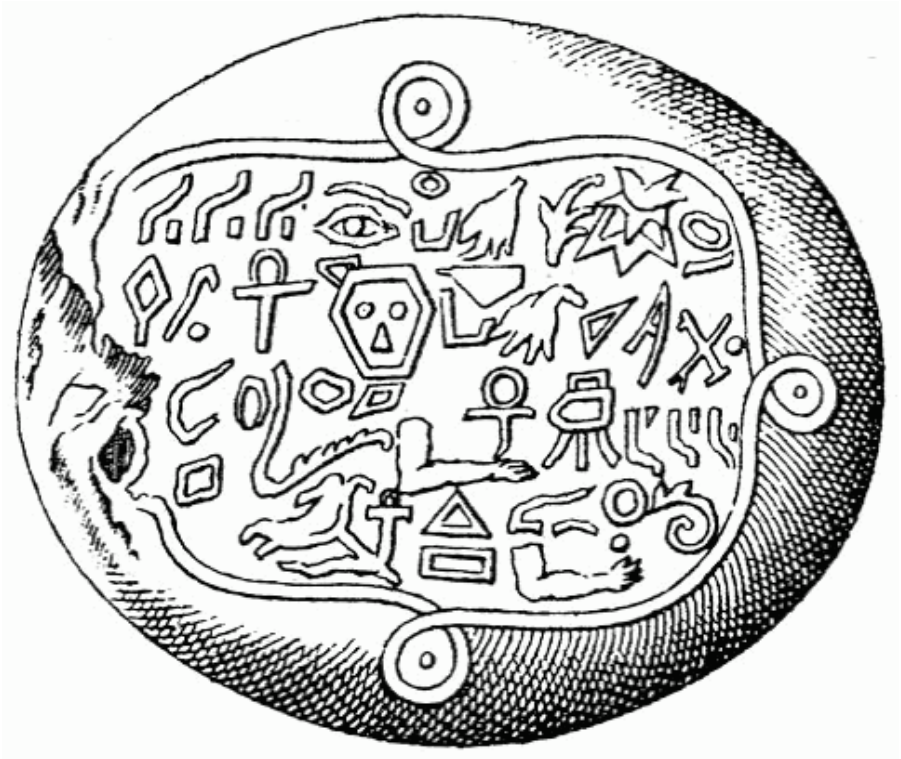
Вступление в масоны. – Очерк происхождения и развития масонских учений. – Искание истины Новиковым. – Ложа Рейхеля и знакомство Новикова с ее основателем. – Издание "Утреннего света". – Характер этого журнала. – Открытие Новиковым училищ. – Переезд в Москву

Говоря о содержании 2-й части "Живописца", мы уже указывали на заключающиеся в ней статьи отвлеченного характера, выражающие какое-то разочарование в жизни. Самый факт существования в журнале таких статей дает нам возможность предположить, что Новиков уже в 1773 году начинал тяготиться своей жизнью и искать каких-то других, высших, идеалов. С течением времени идеалы его молодости, придя в столкновение с действительностью, стали вызывать в нем все большие и большие сомнения, и Новиков начал искать пути для их разрешения. В то время в умственной жизни Европы господствовало два течения: вольтерьянство и масонство. К первому из них Новиков отнесся с самого начала недружелюбно: он считал это направление вредным и боролся с ним в течение всей своей деятельности. Ко второму же, не понимая его, он отнесся сначала скептически. А между тем, душевное состояние его становилось все тяжелее – нужен был какой-нибудь выход, – и вот в 1775 году Новиков попадает в масоны. Об этом событии он впоследствии сам говорил следующее: "Находясь на распутии между вольтерьянством и религией, я не имел точки опоры, или краеугольного камня, на котором мог бы основать душевное спокойствие, а потому неожиданно попал в общество".

Как мы увидим дальше, Новиков вступил в общество масонов на совсем особых условиях: он мог всегда выйти из него, если бы нашел в нем что-либо идущее вразрез с его нравственными воззрениями. Очевидно, он вступал в масонство с надеждой, что, может быть, получив возможность постигнуть тайны этого учения, он найдет в нем душевное успокоение. А не найдет, так возвращение назад остается для него возможным. Новиков не ушел из масонства: "Употребление сделало привычку, – писал он в своих ответах Шешковскому, – привычка – привязанность и любопытство к учению масонства и изъяснению гиероглифов и аллегории…"

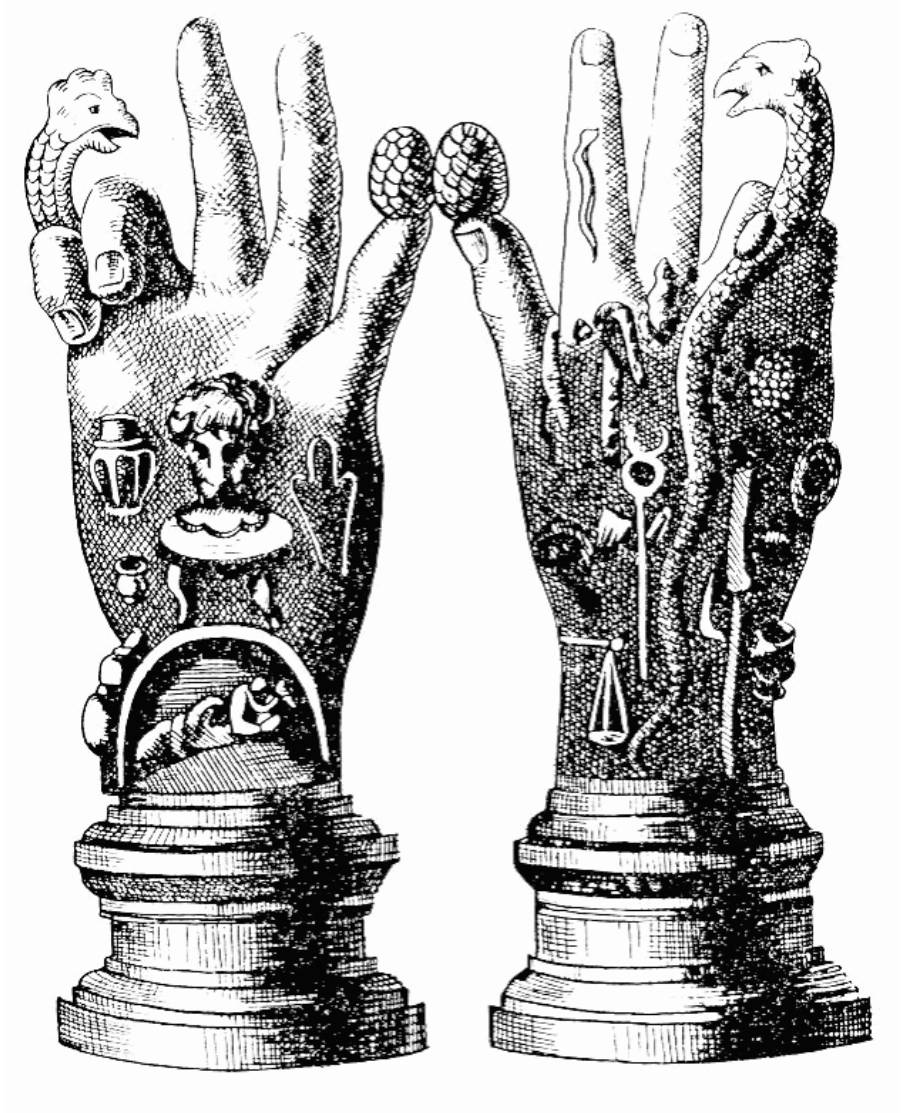


Масонская тайнопись



Из “Surles inconnus”, 1777

Прежде чем перейти к подробному рассказу о том, на каких условиях Новиков был принят в масоны, и о дальнейшей его деятельности в качестве масона, мы должны вкратце рассказать, чем было масонство вообще в Западной Европе XVIII века, откуда оно взялось и каким образом перешло к нам.

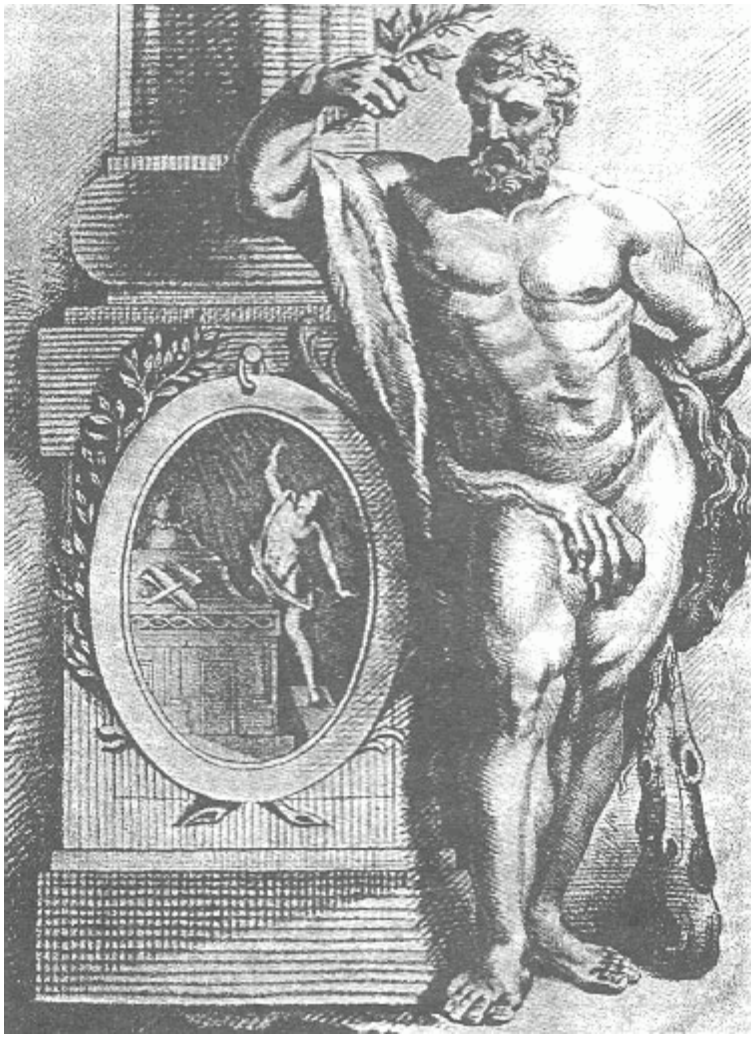


Эмблема руки мистерий из книги Монфакона “Древности”

Масонство впервые появилось у нас в 50-х годах XVIII века. Оно пришло к нам вместе с теми новыми идеями, которые стали около этого времени проникать из Европы в Россию.

Франкмасонство существовало в Западной Европе в течение многих веков, прежде чем сделаться известным в нашем отечестве. Франкмасоны, или, как их у нас называли, вольные каменщики, составляли общества или братства, членами которых являлись люди всевозможных наций, вероисповеданий и состояний. Происхождение своего ордена масоны приписывают глубокой древности. Для объяснения этого происхождения

существует множество легенд, из которых, по свидетельству Лонгинова, одной из наиболее уважаемых в масонских системах считают следующую: Адам, по изгнании его из рая, был в наказание лишен первоначального своего просветления. Но по истечении времени Бог смиловался над ним и дал ему знак своего милосердия: луч того света, который озарял покинутый им рай. Луч этот обладал такой благодатью и озарял ум такими божественными познаниями, о которых люди, лишенные его, не имеют и понятия. Этот свет стал передаваться некоторым избранным, как, например, Ною, другим патриархам и наконец дошел до Иосифа-пустынножителя, который начертал на смарагдовой таблице основания символического учения, известного избранным, получившим божественный луч, и положил эту таблицу в Мемфийском храме, им самим основанном. Таким образом, это предание хранилось у магов и дошло до Моисея.

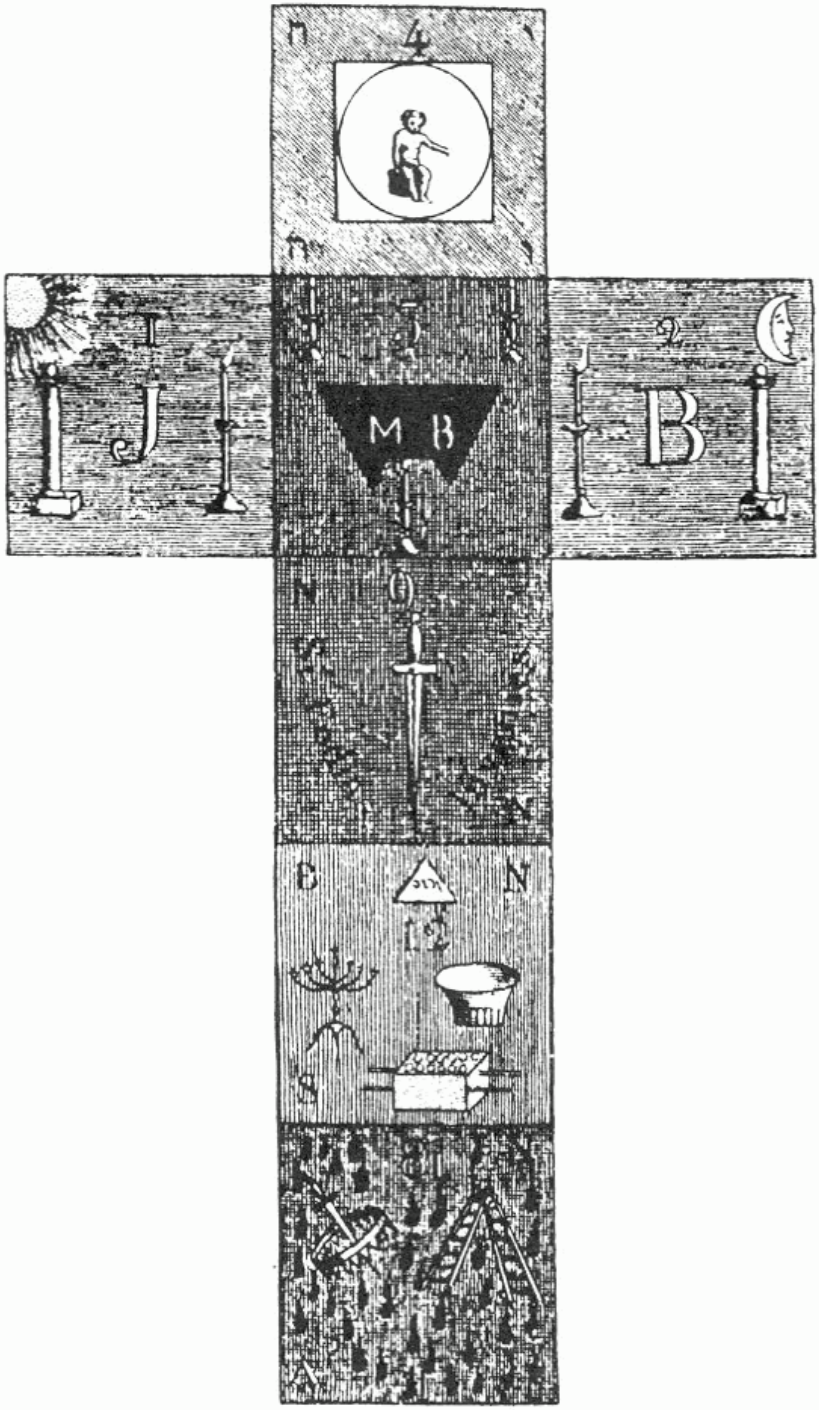


“Мощь Ордена Вольных Каменщиков” Символическое изображение XVIII века.

В окончательную систему символика и обрядность масонского учения приведены Соломоном. Для постройки Иерусалимского храма были вызваны сто тридцать тысяч каменщиков разных наций. Они были разделены Соломоном на три разряда или степени: мастеров, товарищей и учеников. Каждая из этих степеней получила свои правила и отличающие ее от прочих знаки и слова, из которых те, которые принадлежали высшим степеням, были утаены от низших.

Проследить историю масонства через целый ряд веков очень трудно. Масонские общества существовали и в Греции, и в Риме среди людей, занимавшихся строительным искусством. Во время гонений на христиан в среде последних было много римских

каменщиков. Спасаясь от преследований, они перебрались в Англию и перенесли свое учение в тамошнюю корпорацию мастеровых. Оттуда оно распространилось в Шотландии и в Ирландии.



Шотландская масонская система

В Великобритании масонство впервые получило особую организацию и вместе с принятием христианства превратилось в стройное нравственное учение с главным девизом: “Противодействуй злу не злом, а добром”. Поэтому-то Англию масоны считают родиной масонства новых времен.

В XVII или даже в начале XVIII века франкмасонство, распространившись по Европе, преобразовалось в нравственно-философское учение, на которое имели большое влияние учения теософов и алхимиков.

Теософы, или мистики, стремились познавать неизвестное, познать таинственные законы, управляющие миром; понимание этих законов было, по их мнению, доступно одним избранным, удостоившимся этой благодати через религиозное учение, любовь к Богу и к ближним.

Алхимики же искали философский камень, могущий превращать в золото неблагородные металлы. Этот же философский камень должен был доставлять всеобщее лекарство, или так называемую “панацею”. Панацея не имела в виду сделать человека бессмертным, но она способствовала укреплению в нем той жизненной силы, ослабление которой, по мнению средневековой философии, было причиною всех болезней. Учения теософов и алхимиков беспрестанно смешивались между собою. И то, и другое имело в виду в большинстве случаев совершенствование человека и условий его жизни – вообще человеческое благо, хотя у алхимиков нередко к этим высшим целям примешивались и цели чисто материальные: обогащение и продление возможности наслаждаться благами человеческой жизни.

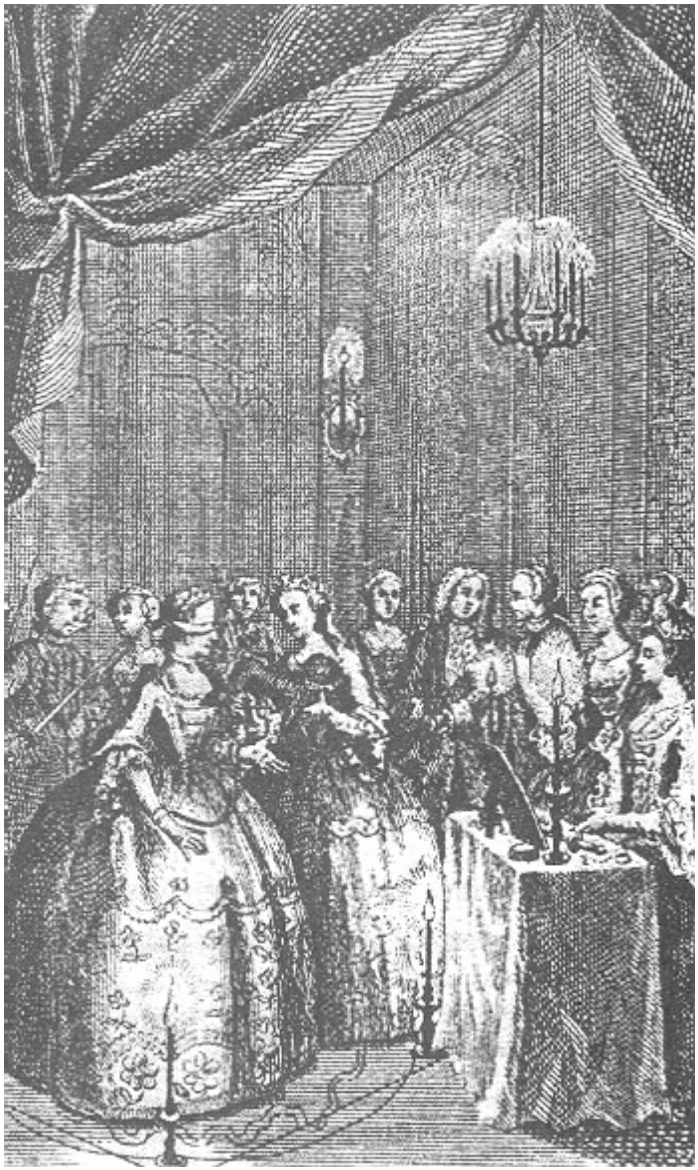
Под влиянием алхимиков и теософов франкмасонство превратилось в нравственно-философскую корпорацию и было оставлено людьми низших сословий, которые прежде составляли его большинство.

В масонстве существовало несколько систем, сообразно которым масоны делились на “тамплиеров” (система строгого наблюдения), “циннендорфцев” (система слабого наблюдения), “розенкрейцеров”, “мартинистов”, “иллюминатов” и других. Все они имели свои отличия, но следовали и некоторым общим обрядам.

Пламенеющая звезда

Масонская печать

У масонов было множество условных знаков, по которым они узнавали друг друга среди непосвященных. Места их собраний назывались *ложами.* Ложи принадлежали разным системам. Все ложи той или другой системы в одной стране подчинены были центральной *ложе-матери* и одному провинциальному *Великому мастеру*. Масонство смотрело на себя некоторым образом как на продолжение Апостольской церкви и допускало в своих ложах нечто вроде священнодействий. Так, например, там произносились духовные речи; на столе, стоявшем перед креслом “мастера ложи” и называвшемся *жертвенником,* лежало Евангелие, открытое на 1-й главе от Иоанна. В некоторых особых случаях приносилась Богу “курительная жертва фимиама” и совершался обряд помазания.

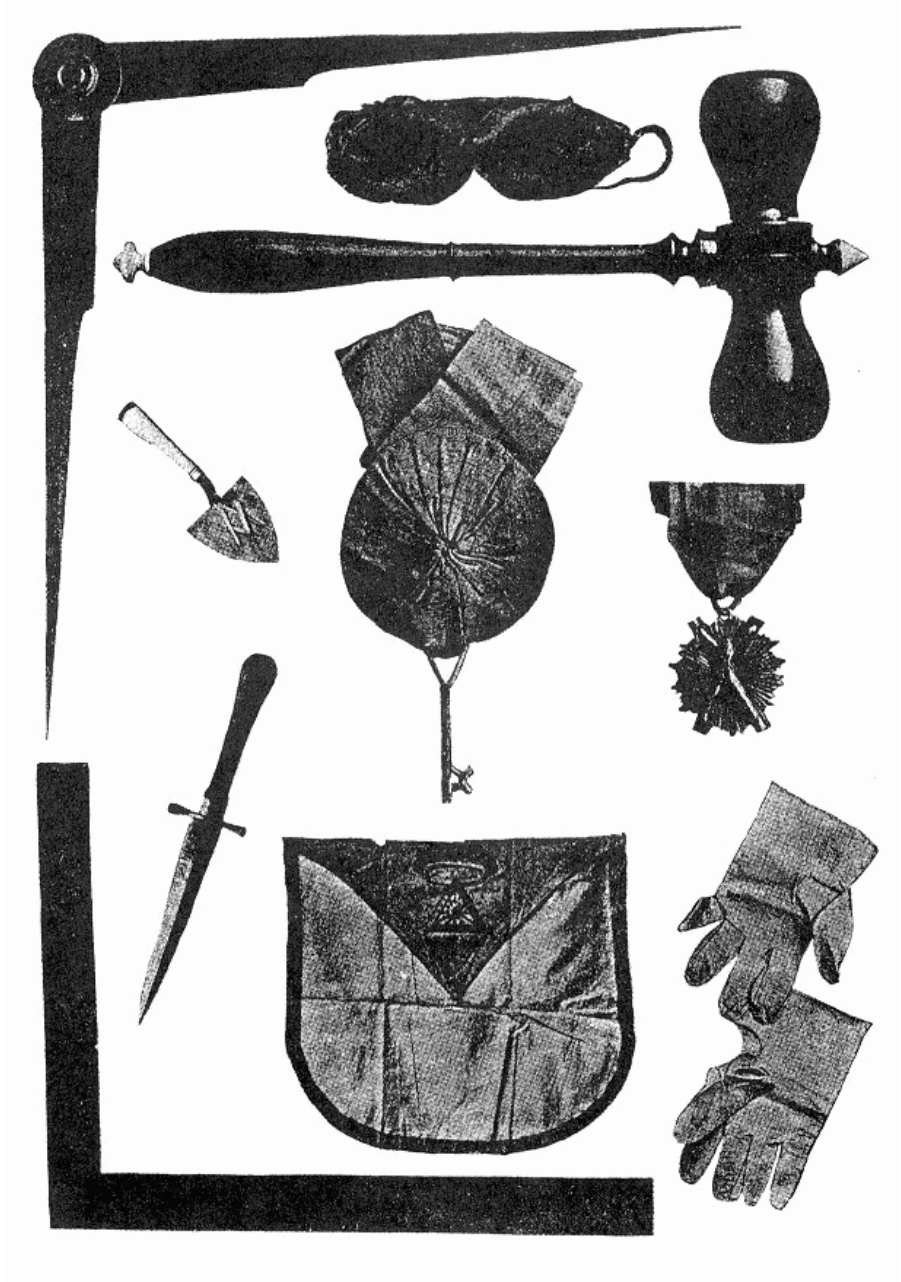


Принятие женщин в ложу “Мопсов”

Прием в братство нового члена производился после его предварительного испытания и присяги, которая обязывала его подчиняться отечественным законам и сохранять масонские тайны. Обряды этого приема и принятия присяги были обставлены более или менее торжественными церемониями.

Сначала они были просты, но с течением времени, с развитием масонства превратились в целые представления, подчас очень мрачного характера. Так, например, в некоторых системах новопринимаемый вводился в ложу с завязанными

глазами, и в момент, когда снимали с глаз его повязку, братья стремительно приставляли к груди его острия мечей, а один из братьев стоял в это время в окровавленной рубашке. При этом Великий мастер говорил, что мечи эти устремятся против новопринимаемого, если он нарушит клятву и союз. Затем, опять при особых церемониях, его заставляли пролить несколько капель крови в особую чашу, в которую раньше проливали кровь и прочие братья, вступавшие в орден. Это пролитие крови выражало символически соединение вновь вступившего с прочими братьями. Бывали обряды и еще ужаснее, как, например, обряд приема в степень мастера. Тут уже ложа обивалась черным сукном с нашитыми на нем блестками в виде слез, на сцену являлись черепа, скелеты, держащие зажженные светильники, картины, изображающие мертвые головы, наконец, черные гробы, в одном из которых во время церемонии лежал кто-нибудь из младших мастеров под кровавой простыней, а другой готовился исполнить роль “брата ищущего”, как назывался у масонов член, вступающий в высшую степень масонства. Этого “ищущего брата”, после довольно продолжительного хождения вокруг ложи с разными остановками и препятствиями, наконец, ввергали в гроб и накрывали окровавленной простыней, причем все остальные братья устремляли на него острия шпаг. В символическом языке масонов часто попадаются слова “циркуль”, “молоток”, “прямоугольник”, “треугольник” и прочие. Эти выражения, равно как и знаки украшения своих обрядов, они заимствовали из терминологии и строительного искусства, которым занимались их родоначальники.



Масонские принадлежности

Масоны занимались исканием мудрости, или, как они говорили, “строением храма мудрости”, совершенствующей нравственность человека.

В масонской ложе “In silentio in spe fortitudo nostra ”

В масонской ложе “Et tenebra eam non compehenderunt …”

Во всех масонских ложах существовали, как уже было сказано, три степени: ученика, товарища и мастера, причем сущность учения высших степеней составляла тайну для низших. В этих степенях преподавалась самая важная, а именно – чисто нравственная сторона масонского учения.

Вот некоторые из главных догматов этого учения, взятые нами из “Нравоучительного катехизиса истинных франкмасонов”,

составленного известным нашим масоном И.В. Лопухиным.

Истинный франкмасон должен отличаться духом христианской любви к Богу и к ближнему, которого ему надлежит любить не только как самого себя, но больше себя. Он должен видеть братьев во всех людях, без различия национальности, вероисповедания и общественного положения, и побуждать их к взаимной любви и помощи. Главное упражнение франкмасонов должно заключаться в молитве, упражнении своей воли в исполнении заповедей евангельских и в умерщвлении чувств лишением того, что их наслаждает.

Они должны работать среди мира и в той сфере, к которой каждый из них призван. Искусство франкмасонов состоит в науке изучения тайн природы, понимание которых доступно не всякому, а лишь избранным, удостоившимся получить эту милость через духовное возрождение. Эти избранные должны быть готовы к перенесению всяких лишений. Они должны быть в состоянии выносить жесточайшую боль, даже если бы обладали способом излечивать все болезни, и быть готовыми к смерти во всякое время, даже имея возможность жить “несколько сот” лет. Они должны быть готовы к перенесению величайшей бедности, обладая в то же время способами производить громадные богатства, превосходящие богатства всего мира; имея средство беседовать с ангелами, они должны оставаться в глубочайшем невежестве, когда то угодно воле Божией, и считать себя меньше всех на свете, имея силу, равную Иисусу Навину и Илии. Франкмасоны не должны питать к кому-либо ненависти. Они должны любить врагов, благословлять их, молиться за них и делать им добро за зло, которое от них получают.

Еще лучше и полнее определяется нравственная цель масонства одним опытным масоном (см. соч. Лонгинова, стр. 60): “Масонство, – говорит он, – видит во всех людях братьев, которым оно открывает свой храм, чтобы освободить их от предрассудков их родины и религиозных заблуждений их предков, побуждая людей к взаимной любви и помощи. Оно никого не ненавидит и не преследует, и цель его может определиться так: изгладить между людьми предрассудки каст, условных различий происхождения, мнений и национальностей; уничтожить фанатизм и суеверие, искоренить международные вражды и бедствия войны, посредством свободного и мирного прогресса достигнуть закрепления вечного и всеобщего права, на основании которого каждый человек призван к свободному и полному развитию всех своих способностей, споспешествовать всеми силами общему благу и сделать таким образом из всего человеческого рода одно семейство братьев, связанных узами

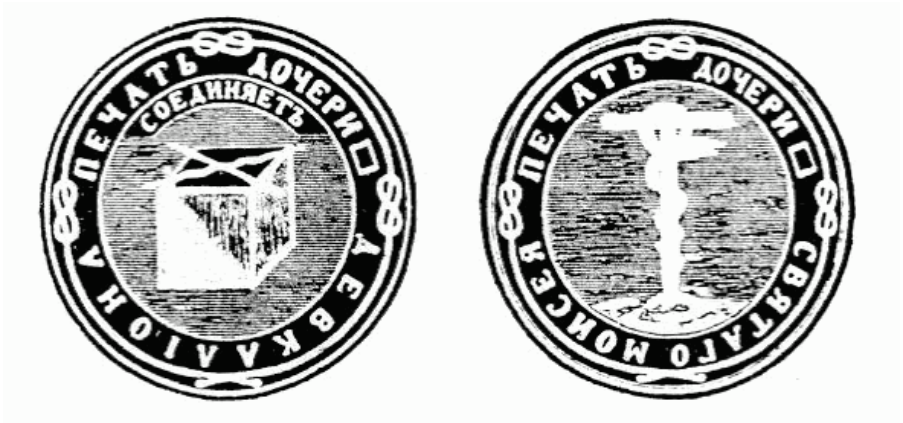
любви, познаний и труда”.

Кроме вышеупомянутых трех степеней в масонстве были степени высшие, число которых менялось сообразно обрядам той или другой системы. Впоследствии число некоторых из них возросло до 33-х и даже до 90. Чрезмерно высокие были по большей части приманкой для людей тщеславных, но полезных ордену своим положением в обществе. В высших степенях занимались алхимией и работами умозрительными по философии и теософии. Если направление ложи было практическим, то тут же производились работы и по так называемому “великому делу”.

Из того, что мы уже сказали, видно, что истинное масонство было очень далеко от каких-либо политических задач. Преследуемые им цели были чисто нравственного свойства, но так как самое понятие о нравственности очень широко и неопределенно, а главное, неопределенны те средства, которые нужны для достижения цели, то неудивительно, что в масонстве произошло разъединение. Оно выразилось в обрядовых отличиях и в некоторых особенностях учения, принятого теми или другими ложами… Кроме того, в орден попало немало людей, которые искали в нем средства для достижения разных политических целей. Таким характером отличались преимущественно ложи французские, например, системы мартинистов, с которыми русские масоны не имели ничего общего. Еще дальше шли германские иллюминаты… Кроме этих систем нельзя не упомянуть еще о розенкрейцерской, в высших степенях которой занимались преимущественно алхимией. Особенного распространения в то время, к которому относится наш рассказ о Новикове, в Европе достигли две системы: “система строгого наблюдения”, или “тамплиерство”, считавшее себя продолжением храмового рыцарства и распространенное преимущественно в Германии, и “циннендорфство”, или “система слабого наблюдения”, основанное Циннендорфом.

Как мы уже говорили, в XVIII веке из-за границы масонство проникло и к нам в Россию. Когда именно оно появилось у нас и кто был основателем его – достоверных известий нет. Иные говорят, что будто бы Петр I привез из-за границы масонский статут; по другим известиям, родоначальником его считают генерала Кейта, родом англичанина, долго служившего в России и в 1747 году уехавшего за границу. В 50-х годах в Петербурге масонами являются некоторые гвардейские офицеры из самых знатных фамилий. Они имели здесь и свою ложу. Вначале масонство не носило у нас серьезного характера. Оно было принято в подражание европейской моде и занимало больше

своей таинственностью и внешними обрядами, чем самой сущностью. Тем не менее, и тогда уже наше правительство смотрело на масонов очень недружелюбно и зорко за ними следило, а публика относилась к ним с большим предубеждением: их считали за еретиков, богохульников, преданных Антихристу, считали, что они могут сноситься с нечистой силою и прочее. Более серьезный характер масонство принимает у нас только с 1772 года, когда гроссмейстер английского масонства утвердил известного Ивана Перфильевича Елагина наместным мастером петербургской провинциальной ложи. Елагин, принявший, таким образом, систему английского масонства, учредил несколько подведомственных ему лож в Петербурге и в провинции. Петербургские масонские ложи посещались многими высокопоставленными и выдающимися людьми того времени. Заседания в них велись открыто и могли быть посещаемы всеми масонами вообще, к каким бы ложам они ни принадлежали. Вскоре, однако ж, масонство стало приходить в упадок и принимать совсем новый характер. Так, например, при ложе “Урания” заведено было нечто вроде клуба с карточными играми, попойками и прочим. Конечно, более серьезные масоны были этим недовольны и хотели, преобразовав масонские собрания, повысить их нравственное значение. С этой целью они стали искать новых членов, которые могли быть полезными своей деятельностью. Многие из членов подведомственных Елагину лож были хорошо знакомы с Новиковым и, зная его энергию, ум, благородство и человеколюбие, пожелали привлечь его в свои ряды. Мы уже говорили, в каком тревожном душевном состоянии находился в то время Новиков. Слыша о том, что в орденском братстве следуют возвышенным религиозным целям, он решился вступить в масонство, думая найти в нем опору для борьбы со своими сомнениями. Но он согласился вступить в него, однако, на некоторых условиях: во-первых, он хотел, чтобы от него не требовали при вступлении присяги и дали ему право выйти из братства, если он найдет в устремлениях его что-либо противное своей совести; во-вторых, он пожелал быть принятым прямо в 3-ю степень. Уважение, которое уже сумел внушить к себе Новиков, было столь велико, что его приняли на этих исключительных условиях. Новиков вступил в ложу “Астрея” и ревностно отдался новой для него деятельности. Он не довольствовался посещением только своей ложи, а ходил и в другие, что являлось вполне возможным благодаря публичности масонских заседаний. Скоро он сошелся с самыми замечательными масонами из лож, подведомственных Елагину, как, например, с Я. О. Дубянским, В. В. Чулковым, А. М. Кутузовым, И. П. Тургеневым и другими.



Масонские печати И. П. Тургенева

Наблюдая близко деятельность масонских лож в Петербурге, Новиков, искавший прежде всего истины и разрешения мучивших его сомнений, не удовлетворялся тем, что он в них находил. С одной стороны, ему не нравилась внешняя сторона их: наружный блеск, пышные ужины и пирушки, которыми оканчивались собрания, и прочее. С другой, – он видел много путаницы и разрозненности в их учении. Не тем представлялось ему истинное масонство.

Поэтому он вместе с несколькими более близкими ему членами своей ложи стал искать, нет ли других масонских систем, в которых было бы настоящее масонское учение. Вскоре прослышал он, что есть в Петербурге ложа некоего барона Рейхеля, в которой “хранится” истинное масонство. Новиков и его друзья стали разыскивать Рейхеля, но его не оказалось – он находился в Москве, а в Петербурге был лишь наместник его, Розенберг. Найдя Розенберга, Новиков и его товарищи стали просить его учредить им новую ложу по Рейхелевой системе. Розенберг исполнил их желание и учредил им ложу с тремя первыми, или, как их называли, иоанновскими степенями. Рейхель был последователь “циннендорфской системы”, или системы “слабого наблюдения”. Вскоре и елагинские ложи соединились с рейхелевскими. Но и после перехода в новую систему масонства Новиков не успокоился. Он был человеком искренним, хотел бы отдаться целиком новому учению и найти в нем душевное успокоение, а между тем в масонстве все еще происходили разные перемены. Так, в 1777 году князь Куракин вывез из Швеции новую систему “строгого наблюдения”. В Петербурге открыта была ложа по этой системе, и к ней примкнуло несколько лож Рейхелевой системы. Новиков не знал,

кому и чему доверять. Он боялся быть увлеченным хитростью в общество, преследующее какие-нибудь недостойные цели. Все это до такой степени его беспокоило, что однажды, разговаривая с бароном Рейхелем, с которым он познакомился по возвращении последнего из Москвы, Новиков со слезами просил его объяснить ему признаки, по которым истинное масонство можно отличить от ложного. В его представлении масонство было учением, которое путем самопознания и духовного просвещения вело кратчайшим путем к нравственному исправлению. На это Рейхель отвечал ему, что всякое масонство, преследующее политические цели, есть ложное. Истинные масоны не проповедуют равенства и вольности; они не признают того, что масоны могут покоряться страстям и порокам; они не предаются пиршествам и разврату. Главный признак масонства – стремление к самоусовершенствованию на стезях христианского нравоучения. Истинных масонов очень мало; они не вербуют в орден кого попало и скрываются, избегая столкновений с ложными масонами, которых очень много.

Разговор этот произвел сильное впечатление на Новикова, и он стал после этого относиться очень осторожно к масонству других систем, а особенно к шведскому, которому он просто не доверял.

Несмотря, однако, на все колебания и сомнения, которые испытывал Новиков при вступлении своем в масонство, главная и самая лучшая его сторона была для него ясна. Он глубоко проникся идеей нравственного самоусовершенствования и христианской любви к ближнему и как человек, для которого верить означало действовать, начал вскоре проводить эти идеи в жизнь.

С этой целью он основал в сентябре 1777 года ежемесячный журнал “Утренний свет”, вся выручка с которого должна была идти на содержание сначала одного, а потом двух училищ для бедных детей и сирот. Таким образом, Новиков начал два дела сразу: проповедь религиозно-нравственных идей и практическое дело помощи нуждавшимся в просвещении. “Утренний свет” был журналом отвлеченно-философского характера. В предисловии к нему говорится, что цель журнала – предлагать “врачевание и укрепление” душам соотечественников и возвысить значение человеческой личности, которая есть центр мироздания.

Большая часть статей “Утреннего света”, и прозаических, и поэтических, явилась переводами из лучших греческих, латинских, немецких, английских, французских и шведских писателей. Так, например, в нем были помещены переводы из сочинений Платона, Плутарха, Ксенофонта, Сенеки, Вергилия,

Юнга, Бэкона, Паскаля, Виланда, Геснера и других. Из этих авторов журнал черпал статьи философские, нравственные, педагогические и поэтические, причем ни одна из них не выражала направления журнала, которое уяснялось лишь из совокупности статей, выбранных редакцией. Попадались в журнале и статьи оригинальные, но их было меньше. Из числа этих статей многие носят отвлеченно-мистический характер; в них указывается на ничтожность земной жизни, ей противополагается смерть, которая легче и лучше жизни. Однако, быть может, бессознательное чувство меры не позволяло Новикову заходить слишком далеко в этом направлении. Поэтому рядом со статьями, выражающими самый мрачный взгляд на земную жизнь, читатель встречает тут же целый ряд статей, восхваляющих природу и жизнь на ее лоне. Городу противопоставляется деревня с ее простотой и свободой. Жизнь людей среди природы описывается самыми восторженными красками, и описания эти носят подчас сентиментально-идиллический характер. Есть в журнале статьи, направленные против энциклопедистов и их учения. Последнему противопоставляется учение о бессмертии души. Статей чисто масонских в узком смысле слова очень немного. Вообще, все содержание журнала проникнуто философским духом и уважением к разуму и науке. “Утренний свет” является, таким образом, первым популярным философским журналом в России. Несмотря на свой отвлеченный характер, журнал этот имел успех, что доказывается уже тем, что он выписывался в 58 городах и местечках России. Такому распространению его способствовало отчасти то обстоятельство, что он был тесно связан с училищами, основанными Новиковым. Журнал поддерживал училища, а училища, в свою очередь, поддерживали журнал, так как многие желавшие быть полезными училищам выписывали его, платя за него сумму большую, чем того требовала установленная подписная плата.

Вообще, “Утренний свет” сумел привлечь общество к поддержанию училищ. Он приглашал его к пожертвованиям и к принятию пансионеров на свой счет. Имена всех жертвователей и количество пожертвований печатались в “Утреннем свете”. Призыв журнала не остался без ответа. Сотрудники его не брали платы за свой труд; генерал-аудитор-лейтенант П.К. Хлебников пожертвовал бумагу на годовое издание журнала, явились желающие принять на свой счет пансионеров; гоффурьер Купреянов дал для училища безденежно помещение в своем доме; наконец, являлось много жертвователей просто деньгами. В 1777 году было основано одно училище на 30 или на 40 человек при

церкви Владимирской Божьей Матери, получившее потом название Екатерининского; а в следующем году появилась уже возможность открыть и другое училище – Александровское, и в 1779 году в обоих училищах обучалось 93 человека. Основывая училища, Новиков преследовал не только благотворительные, но и научно-педагогические цели. В объявлении об учреждении Екатерининского училища говорится, что намерения учредителей заключаются не только в обучении бедных детей, но и в заведении "порядочного и постоянного училища, в котором бы *наилучшим* и *кратчайшим* способом дети научались, приобвыкали к благонравию и заохочивались к дальнейшему учению для собственной своей и отечества своего пользы".

Новиков, управлявший сам всеми делами училищ и принимавший близко к сердцу все их интересы, очевидно, старался всеми силами, чтобы ученики воспитывались в религиозно-нравственном духе; он старался развивать в них чувства жалости, человеколюбия и желание помочь ближнему.

По-видимому, такое его стремление не оставалось без результатов. Так, например, известен факт, что ученики отказались на целый месяц от завтрака и от ужина для того, чтобы помочь пятьюдесятью рублями другим бедным.

Императрица Екатерина, знавшая, конечно, о существовании "Утреннего света" и об училищах, из которых одно даже было названо в ее честь Екатерининским, отнеслась и к тому и к другому очень холодно. Екатерина не любила масонства.

Новиков жил и работал в Петербурге до 1779 года, а в апреле этого года переехал в Москву. Переезд этот произошел по следующим обстоятельствам. В 1778 году Новиков познакомился и даже близко сошелся с московскими масонами, князем Н.Н. Трубецким и М.М. Херасковым, которые приезжали в Петербург по масонским делам. Они стали убеждать Новикова переехать в Москву, а Херасков, получивший в июне 1777 года звание куратора Московского университета, предлагал ему и дело, а именно: взять в аренду университетскую типографию, которая была тогда в очень жалком положении и не давала почти дохода. Херасков полагал, что дело это вполне соответствовало призванию Новикова. С другой стороны, он был уверен, что в руках Новикова дела типографии поправятся и она будет давать доход университету. Новикову понравилось это предложение. Он съездил в Москву, познакомился лично с делом и решил принять предложение. В начале 1779 года петербургская ложа, в которой Новиков был уже мастером стула, закрылась, и он переехал в апреле в Москву. Туда же вскоре перебрались и те из петербургских масонов, с которыми Новиков больше всего

сошелся: Кутузов, Чулков и Тургенев.

ГЛАВА IV

Москва времен Новикова. – Университет и его куратор Херасков. – Новиков берет в аренду университетскую типографию. – Знакомство Новикова со Шварцем и просветительская роль последнего. “Дружеское ученое общество”. – Женитьба Новикова. – План общения русского масонства с европейским, на основаниях равноправности. – Поездка Шварца за границу и ее влияние на деятельность Новикова. – “Переводческая семинария”. – Указ о вольных типографиях. – Смерть Шварца. – “Типографическая компания”. – Расширение издательской деятельности Новикова. – Принципы,проводившиеся Новиковым в издаваемых им журналах

С переезда Новикова в Москву начинается новый и самый блестящий период его деятельности. Нет сомнения, что деятельность эта могла принять столь широкий размах только в таком месте, каким была в то время Москва.

Дело в том, что с перенесением двора в Петербург Москва почувствовала себя гораздо независимее и свободнее, чем прежде. В то время как Петербург был средоточием служилого и придворного дворянства, являвшегося благодаря своему положению верным отголоском придворных взглядов и направлений, – Москва была центром, в котором собиралось почти все богатое, независимое, неслужилое дворянство. По зимам в ней жили почти все богатые помещики центральных наших губерний. Они имели здесь свои дома и составляли многочисленный основной элемент тогдашнего московского общества. К нему присоединялись лица, служившие в высших правительственных учреждениях: в сенате, в разных юстиц-, камер-, мануфактур – и прочих коллегиях и учреждениях, а также и отставные, преимущественно военные, желавшие после недолгой службы отдохнуть и пожить на свободе в свое удовольствие. Наконец, во главе всего этого общества стояли знатные, родовитые дворяне, из которых многие были когда-то в силе при дворе, а потом попали в опалу или ушли сами вследствие каких-нибудь обид и неудовольствий. Кроме того, в Москве имели дома и многие из служивших в Петербурге дворян. Они имели их здесь на всякий случай, так как большинство считало свое пребывание в Петербурге временным и смотрело на Москву как на место “отдохновения”. Здесь текла пестрая, шумная жизнь, в которой сталкивались, нисколько друг другу не

мешая, все крайности тогдашней русской жизни.

С другой стороны, университет успел уже, несмотря на кратковременность своего существования (25 лет), сгруппировать вокруг себя людей, искавших просвещения, и завоевать симпатии общества. Он выпустил из своих стен немало образованных людей, имена которых приобрели известность как даровитых общественных деятелей и преподавателей. Молодежь, побывавшая в университете, стала вносить в жизнь любовь к литературе и знаниям и устанавливать общение между университетом и обществом. Среди высшего дворянства появились также воистину просвещенные и гуманные люди. Вот эта-то группа образованных людей, из которых значительная часть принадлежала богатому дворянству, и оказала Новикову поддержку в его предприятиях и дала ему возможность развернуть свою деятельность во всей ее полноте.

Управление Москвой сосредоточивалось в то время в руках главнокомандующего, князя Михаила Никитича Волконского, безмерно преданного Екатерине и пользовавшегося, в свою очередь, ее доверием.

В то время, когда Новикову пришлось впервые близко столкнуться с университетом, последний состоял из следующих частей:

1. Три факультета университетских курсов: юридический, медицинский и философский.

2. Две гимназии, в которых молодые люди готовились к университету: дворянская и разночинская.

3. Вольное российское собрание. Это было ученo-литературное общество, основанное в 1771 году по идее куратора Мелиссино.

4. Типография, учрежденная в 1756 году, и при ней словолитня. Она помещалась в здании, принадлежавшем университету, близ Воскресенских ворот, и управлялась чиновником по назначению университетского начальства.

5. *Книжная* лавка, существовавшая тоже с 1756 года и помещавшаяся в здании, принадлежавшем университету на Моховой.

6. Редакция “Московских ведомостей”, основанная одновременно с типографией и книжной лавкой.

7. Кроме того, университет имел библиотеку, разные кабинеты и ученые пособия, состоявшие в ведении профессоров и преподавателей.

Куратором университета был в то время, как мы уже говорили, известный писатель Михаил Матвеевич Херасков.

Главным куратором со времени основания университета был

знаменитый покровитель просвещения Иван Иванович Шувалов. В то время, когда Новиков приехал в Москву, Шувалов жил в Петербурге, откуда он, однако, с большим вниманием постоянно следил за своим детищем-университетом.

Должности ректора в то время в университете не было, а был директор – М.В. Приклонский.

Лучшего куратора, чем М.М. Херасков, нельзя было и пожелать. Этот просвещенный человек стал с молодых лет собирать вокруг себя все, что было лучшего и наиболее образованного в московском обществе. Имея большие связи в высшем, богатом кругу, он пользовался ими для того, чтобы помогать бедным молодым людям получать образование и зарабатывать честным трудом хлеб. Одним он доставлял места и полезные знакомства, других поощрял в занятиях переводами и писательством, третьим печатал труды и т. д. Жена его, тоже образованная по своему времени женщина, во всем содействовала мужу, и дом Херасковых был гостеприимно открыт для всех, кто искал сочувствия и поддержки в стремлениях к высшим интересам.

Став куратором, Херасков немедленно приступил к некоторым преобразованиям и нововведениям в университете в либерально-просвещенном духе. Найдя университетскую типографию в крайне запущенном состоянии и желая сделать ее, с одной стороны, полезной в смысле просветительном, а с другой – доходной для университета, Херасков, как уже было сказано, предложил ее Новикову. По контракту, заключенному между университетом и Новиковым, последнему отдавалась типография на 10 лет с уплатою 4500 рублей в год. Вместе с ней в его ведение поступали университетская книжная лавка и издание “Московских ведомостей”.

Переселившись в Москву, Новиков поместился в том самом доме, где была типография, чтобы быть к ней поближе. Типографию он нашел в крайне плачевном виде. Шрифтов имелось мало, рабочие были избалованы, ленились и часто пьянствовали; поэтому, при малом количестве заказов, типография почти не имела доходов. Нужно было иметь большое мужество, чтобы принять дело в таком состоянии.

Новиков стал тотчас же приводить все в порядок: пополнять, если чего не хватало, выписывая даже для этого некоторые вещи из-за границы. В то же время, чтобы типография не оставалась без работы, он начал печатать все, что было возможно, исходя из наличия имевшихся материалов.

Дела книжной лавки обстояли тоже очень плохо. Чтобы поднять ее торговлю, Новиков вошел в сношение с

комиссионерами в Петербурге, в некоторых провинциальных городах и условился отдавать им книги с уступкой и с рассрочкой платежа.

Характер издательской деятельности Новикова определился тотчас же, как только он взялся за дело. Чтобы приобрести покупателей, он должен был печатать и книги легкого, беллетристического содержания; но главное его внимание было обращено на книги научного характера и учебники, так как целью его издательства было просветительство. К тому же как человек, проникнутый религиозно-нравственными идеями, он издавал научные сочинения, по преимуществу проникнутые этими идеями.

В то же время Новиков начал завязывать знакомства с московскими масонами, а также с людьми, которые покровительствовали просвещению и могли быть ему полезны в его деятельности. В этом ему много способствовал Херасков.

Одним из первых его знакомств в Москве было знакомство с князем Ю.Н. Трубецким. С братом его, Николаем Никитичем, Новиков познакомился еще в Петербурге и теперь только возобновил это знакомство. Трубецкие были просвещенными людьми своего времени и жили открыто. У них собирались литераторы, художники, путешественники и вообще все выдающиеся люди в области науки, искусства и литературы.

В августе 1779 года Новиков познакомился с человеком, который, сделавшись его другом и товарищем во всех его предприятиях, оказал огромное влияние как на самого Новикова, так и на остальных его друзей. Человек этот, оставивший глубокий и плодотворный след в истории русского просвещения, был немцем Иваном Григорьевичем Шварцем.

Шварц был человеком скромного происхождения, родом трансильванец. Он посвятил себя с юности ученой деятельности. В то время в Европе стали говорить о быстром движении России по пути умственного и гражданского развития. Шварц, подобно многим другим европейцам, заинтересовался этой страной, а также личностью Новикова, о котором тоже много говорили как об издателе “Вивлиофики”, откуда черпались документы для изучения России. В 1776 году князь И.С. Гагарин, путешествуя за границей, познакомился со Шварцем и предложил ему ехать в Россию в качестве воспитателя в семейство друга своего А.М. Рахманова, жившего в Могилеве. Шварц принял это предложение. В 1779 году Рахманов умер, и Шварц перебрался в Москву. За время пребывания своего в России он успел хорошо выучиться русскому языку, полюбил Россию и решил остаться в ней, посвятив себя педагогическому поприщу. Приехав в Москву, он

стараниями Хераскова получил место профессора немецкого языка при университете и тогда же познакомился с Новиковым.

Шварц, как и Новиков, был масоном. Он вступил в масоны вскоре по приезде своем в Россию и даже основал ложу в Могилеве. Однако в первое время знакомства между Новиковым и Шварцем не заходило разговоров о масонстве. Отчасти это происходило потому, что каждый из них был занят постановкой своего ближайшего практического дела, а отчасти еще и потому, что Шварц принадлежал масонам “строгого наблюдения”, т. е. системе, которой Новиков не сочувствовал и о которой, естественно, не желал говорить.

В сентябре 1779 года Шварц начал читать лекции в университете. Он был необыкновенно талантливым преподавателем и имел дар не только увлекать слушателей своим предметом и заставлять их работать, но и привязывать к себе, влияя на них в нравственном отношении.

Университетская конференция, видя талантливость Шварца, поручила ему составление некоторых учебников и исследование недостатков в существовавших тогда системах преподавания. Шварц стал писать проекты, которые всеми одобрялись, но осуществить которые не было возможности. Прежде всего у нас ощущался недостаток в преподавателях вообще; еще меньше было хороших преподавателей. Требовалось их подготовить. Ввиду этого Шварц представил проект образования при университете учительской, или педагогической, семинарии. Сам он для этой цели пожертвовал университету пять тысяч рублей и много книг. Конференция, согласившись с его проектом, решила ассигновать на это дело проценты с капитала Демидова, пожертвованного на подготовку шести учителей. К этой сумме примкнули и другие пожертвования лиц, сочувствовавших делу просвещения, в том числе Новикова.

Таким образом, в ноябре 1779 года была открыта педагогическая семинария, инспектором которой назначили Шварца.

Кроме того, в это же время Шварц, сблизившийся уже с Новиковым, задумал вместе с ним основать общество, которое оказывало бы всевозможную поддержку истинному просвещению в России. Общество это, известное впоследствии под именем “Дружеского ученого общества”, имело целью издавать за свой счет полезные книги, оригинальные и переводные, давать молодым людям возможность оканчивать университетский курс в России, а также отправлять их для серьезного образования за границу, выписывать способных учителей из-за границы и по возможности воспитывать русских преподавателей. Это, тогда

еще очень скромное, общество, обладавшее самыми незначительными средствами, существовало вначале больше в виде планов и намерений небольшого числа сочувствующих лиц, нежели в действительности. Тем не менее, в конце 1779 года Новиков и его друзья, твердо уверенные в успехе своего дела, вошли уже в сношения с епархиальным начальством о присылке в университет из семинарий способных учеников, которых они брались содержать за свой счет.

В то же время Новиков и Шварц старались всеми силами расширить свой кружок. Они распространяли о нем слухи в обществе, заводили полезные для них знакомства, группировали вокруг себя молодежь и добились – хотя многие считали их мечтателями, а мечты их неосуществимыми – мало-помалу сочувствия и уважения в обществе и даже покровительства нового генерал-губернатора Москвы, князя Долгорукова-Крымского, сменившего князя Волконского. А в 1781 году обоим друзьям удалось наконец организовать задуманное ими дело на прочных началах. Случилось это благодаря тому обстоятельству, что Шварцу удалось привлечь к делу известного в то время богача Петра Алексеевича Татищева, который употребил впоследствии значительную часть своего состояния на цели, указанные ему Шварцем. П.А. Татищев был сыном известного генерал-полицмейстера при императрице Елизавете – Алексея Даниловича Татищева, оставившего о себе память как о человеке решительном, суровом и бесчеловечном. Особенно он “прославился” изобретением клеймения лиц преступников.

Петр Алексеевич пошел не в отца… Познакомившись с ним, Шварц сумел так заинтересовать его своими планами и надеждами и вместе с тем внушить такое доверие к собственному бескорыстию, что Татищев решился стать членом его кружка. Пример Татищева подействовал ободряющим образом и на других любителей просвещения, и пожертвования полились, что называется, щедрою рекой. Таким образом, “Дружеское ученое общество”, возникшее в небольшом кружке, получило наконец прочное основание и могло расширить свою деятельность. Официально оно не было открыто еще и теперь, но число пансионеров его сразу же увеличилось и литературная деятельность оживилась.

Новиков, успевший уже к концу 1780 года улучшить дела в своей типографии до такого состояния, что, по мнению Шварца, она не уступала заграничным, выпустил в течение двух последних лет несколько элементарных руководств для первоначального обучения и много книг духовно-нравственного содержания, из которых едва ли не больше половины были переводы с

иностранных языков, сделанные молодыми людьми, только что окончившими университет.

Содержание “Московских ведомостей” стало гораздо живее и интереснее благодаря приливу новых сотрудников, а также и тому, что Новиков стал выписывать интересные периодические издания, из которых черпались разные известия и новости. Кроме того, он стал давать к ним с 1780 года “Прибавления”, продолжавшиеся до 1789 года. Кажется, в том же 1780 году он основал при своем книжном магазине первую “библиотеку для чтения” в Москве.

Шварц во всем был деятельным помощником Новикова. Он указывал ему книги для перевода, рекомендовал переводчиков, просматривал их переводы.

Тем временем Новиков так расширил свое типографское дело, что количество книг, отпечатанных им меньше чем в три года, превышало количество книг, отпечатанных с основания типографии до перехода ее в его руки.

В 1781 году Новиков женился на родственнице князя Н.Н. Трубецкого – Александре Егоровне Римской-Корсаковой, получившей образование в С.-Петербургском училище благородных девиц. От этого брака у него были сын и две дочери. Мы уже говорили, что в первый год своей деятельности в Москве Новиков не мог предаваться масонской деятельности в узком смысле слова из-за большой занятости, связанной с устройством типографии. Но как только дела типографии пришли в порядок, Новиков обратился к масонству, с главными адептами которого в Москве он был уже знаком.

В Москве, как мы уже говорили, существовало несколько масонских лож, из которых главными были открытая в 1776 году ложа князя Н. Трубецкого и учрежденная в конце 70-х годов ложа “Трех знамен” Татищева. По-видимому, Татищев, до встречи своей со Шварцем, относился очень холодно к своей должности Наместного мастера, и занятия в его ложе велись несерьезно, вращаясь, главным образом, вокруг внешних форм и обрядов. В 1779 году в Москве сошлись князь Трубецкой, Новиков и Шварц, бывшие потом главными деятелями в московском масонстве. Все трое были масонами разных систем; но это не помешало им слиться и образовать по идее Новикова в конце 1780 года новую ложу под названием “Гармония”. Кроме трех вышеуказанных членов, к ней примкнули еще пять человек: М.М. Херасков, князь А.А. Черкасский, И.П. Тургенев, князь Енгалычев и А.А. Кутузов. Ложа эта была тайною. Основатели ее решили оставить в стороне все второстепенные вопросы и, слившись воедино, постараться привлечь к себе возможно большее число надежных членов, а

затем уже принять меры к окончательному устройству своей системы и к своему признанию в масонском мире. Члены ее назвали себя братьями “внутреннего ордена”, как бы желая выразить этим, что они будут придерживаться только коренных догматов общества, составляющих внутренний смысл масонства, общий для всех систем. Формальных собраний “Гармония” не имела; члены ее сходились только для совещаний о том, как установить ее на прочных основаниях и достигнуть высших масонских степеней. К “Гармонии” вскоре присоединился и Татищев. Таким образом, в 1781 году масонство в Москве представляло следующую картину: ложи, существовавшие прежде, продолжали свои работы, следуя разным системам, и были разрознены; но в каждой системе нашлось несколько влиятельных, энергичных людей, которые соединились между собой в “Гармонии” с тем, чтобы, оставив в стороне все пререкания по второстепенным деталям, отдаться исключительно вопросам о слиянии всех существующих лож в один “правильно” организованный союз, который бы входил полноправным членом в общение с европейским масонством.

Председательствовали в “Гармонии” Татищев и Новиков. Татищев потому, что был Наместным мастером системы “строгого наблюдения”, к которой принадлежало большинство членов “Гармонии”, а Новиков – как наиболее влиятельный из масонов, не принадлежавших к этой системе.

В 70-х годах XVIII столетия, как мы уже говорили, в Европе получило особенное влияние масонство системы “строгого наблюдения”. Оно было признано почти всеми германскими ложами и приобрело сочувствие герцога Фердинанда Брауншвейгского. Значение этой системы признавали масоны всех оттенков, за исключением Швеции, а также и России, которая еще не приобрела чести считаться самостоятельной масонской провинцией и считалась подчиненной Швеции. В конце 1779 года глава шведского масонства, герцог Зюдермарландский, совершил предосудительный поступок, возмутивший всех масонов, в том числе и русских, ему подчиненных. Они тогда же пожелали отложиться от него и приобрести в Европе значение самостоятельной единицы.

Весной 1781 года Шварц отправлялся за границу и предложил членам “Гармонии” выдать ему полномочия для сношения с берлинскими масонами, работавшими по системе “строгого наблюдения”. Предложение это было принято, и Шварцу дана доверенность на открытие высших степеней масонства.

Мы не будем излагать подробностей путешествия Шварца и

сношений его с заграничными масонами. Скажем только о результатах его поездки. При помощи принца Фердинанда Брауншвейгского, который очень любезно его принял, он добился того, что русское масонство было признано вполне независимой, самостоятельной провинцией в масонском мире. Кроме того, он привез право на основание в Москве ордена розенкрейцеров (“Злато-розового креста”), имевшего масонские формы, но в который могли быть принимаемы лишь немногие избранные. Организация эта была высшей по своему значению. Но наибольшее значение поездка Шварца имела для Новикова: Шварц устроил ему знакомства со многими учеными центрами Германии и особенно с Лейпцигом, чем оказал большое содействие оживлению торговли иностранными книгами, продажа которых была заведена еще раньше в книжной лавке.

По возвращении в Москву Шварц застал в ней перемену, имевшую большое значение для членов “Дружеского ученого общества”. Генерал-губернатор Москвы, князь Долгоруков-Крымский, умер и на место его назначен был граф Чернышев, человек честный и большой покровитель просвещения. Из людей, которыми он себя вскоре окружил, многие были масонами и членами “Дружеского ученого общества”. Некоторые из них состояли даже у него на службе. Так, например, И.П. Тургенев служил у него адъютантом. В то же время в число масонов и членов этого общества вскоре вступило еще два человека, служивших под начальством графа Чернышева: правитель его канцелярии С.И. Гамалея и И.В. Лопухин, назначенный графом Чернышевым сначала советником, а потом председателем московской уголовной палаты.

Имена этих людей на всю жизнь остались тесно связанными с именем Новикова и его кружка. С.И. Гамалея был малороссом. Он учился в Киевской духовной академии; начал службу во флоте, а потом был правителем канцелярии у графа Чернышева сначала в Белоруссии, во время его управления, а потом в Москве. Гамалея отличался глубоко религиозным направлением ума, высокой честностью и необыкновенной добротою. Он принадлежал к числу тех людей, о которых говорят, что они “не от мира сего”. Материальные блага не имели для него никакого значения. Так, во время службы его в Белоруссии ему было пожаловано в награду за усердную службу 300 душ крестьян. Гамалея отказался от них, говоря, что и с одной своей душою не знает, что делать, а как же управиться с 300 чужих душ. В Москве его обокрал раз слуга на 500 рублей и бежал. Когда укравшего поймали и привели к Гамалее, тот сказал ему: “Видно, мне не суждено иметь людей; отпускаю тебя. Вот деньги, которые ты взял, ступай с

Богом”. Гамалея познакомился с Новиковым и Шварцем еще раньше перехода своего на службу в Москву, во время случайной туда поездки. Переселившись в Москву совсем, он еще более сблизился с ними и стал одним из ревностнейших членов их кружка. Его наклонности к религиозному мистицизму и к филантропии нашли себе здесь полное удовлетворение. Как человек бедный Гамалея не мог быть, конечно, полезен новиковскому кружку в смысле материальной поддержки; но зато он принес ему всю свою деятельную и нравственную силу. Он знал хорошо языки немецкий, латинский и некоторые восточные, очень много переводил и вообще помогал кружку в его литературных предприятиях. Затем Гамалея клал очень много трудов и забот на то, чтобы проложить в жизни пути молодым людям, которые учились на деньги “Дружеского общества”. Он приискивал им места, доставлял работу, следил за направлением их деятельности и т. д. Наконец, Гамалея пользовался таким уважением в обществе, что уже одно имя его возвышало в глазах всех то дело, с которым оно было связано.

Что касается И.В. Лопухина, то он принадлежал к знатной и богатой фамилии. Он был внуком двоюродного брата первой супруги Петра I, царицы Евдокии Федоровны. В ранней молодости Лопухин был вольнодумцем, но потом раскаялся в своих заблуждениях. Прочитав исследование Сен-Мартена “О заблуждениях и истине” и книгу Арндта “Об истинном христианстве”, Лопухин так проникся этими сочинениями, что решил вступить на путь масонства. Вскоре по возвращении Шварца из-за границы он познакомился с ним и с Новиковым и сделался тоже одним из деятельнейших членов московского масонства и “Дружеского ученого общества”.

Лопухин помогал обществу и деньгами, и своими многочисленными литературными работами как переводными, так и оригинальными. Кроме того, он приносил много пользы своими связями и своим общественным положением. Лопухин был тоже очень добрым и великодушным человеком. Став председателем уголовной палаты, он всегда стремился к облегчению участи преступников и осмеливался держаться во многих случаях своего отдельного мнения по этому поводу.

С возвращением Шварца из-за границы и с вступлением новых членов, деятельность “Дружеского ученого общества” сильно оживилась. Решено было расширить до наибольшей степени издание и распространение книг. Но русских сочинений было мало, а книги на иностранных языках находили ограниченный сбыт. Надо было увеличить количество переводчиков. К этому делу решено было привлечь юношество,

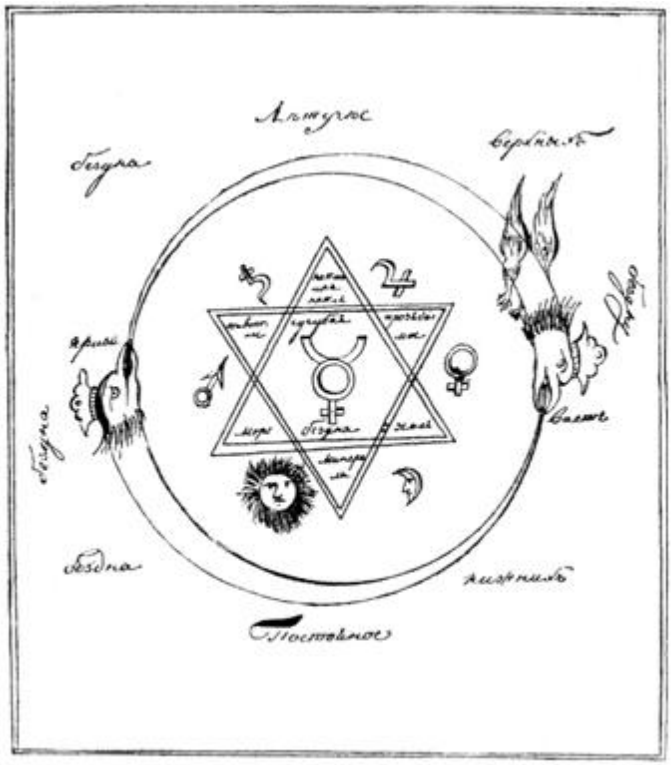
обучавшееся в университете. С одной стороны, это должно было давать ему честный заработок, а с другой, – могло подвинуть вперед дело просвещения. Но так как и среди студентов хорошо переводить могли лишь немногие по незнанию языков, то решено было основать при университете переводческую семинарию, в которой молодые люди должны были обучаться языкам за счет “Дружеского общества”. Генерал-губернатор одобрил этот проект, и среди служащих университета он тоже нашел сочувствие. Таким образом, в июне 1782 года основалась переводческая семинария на 16 человек, из которых шестерых брал на свое иждивение Татищев, а 10 остальных – прочие члены “Дружеского общества”. Число студентов в основанной в 1779 году педагогической семинарии возросло к этому времени до 300 человек, на содержание которых отпускалось по сто рублей на каждого. Для размещения семинаристов обществом был куплен на имя Шварца дом. Просветительные планы “Дружеского общества” совпали в это время с планами нашего правительства. Так, 7 сентября 1782 года появился указ об учреждении комиссии народных училищ под председательством графа Завадовского. Для организации этих школ был выписан специалист по этой части, ученый серб Янкович де Мириево.

В это же время члены “Дружеского ученого общества” стали хлопотать об официальном утверждении своего кружка. Для этого они обратились с формальной просьбою через обер-полицмейстера к генерал-губернатору и к архиепископу московскому Платону. В октябре было получено разрешение генерал-губернатора и благословение Платона на открытие публичных заседаний “Дружеского общества”.

6 ноября 1782 года происходило первое торжественное публичное заседание общества в обширной зале Татищевского дома. В числе публики был и генерал-губернатор.

В то время, когда все, кажется, сулило успех и процветание делу Новикова и Шварца, над головою последнего стали сгущаться неприятности, которые, постепенно увеличиваясь, заставили его наконец выйти из университета и были отчасти причиной его преждевременной смерти.

Освободившись от обязательных занятий, Шварц стал ревностнее, чем прежде, заниматься масонскими делами. Основав орден розенкрейцеров в России, он вскоре объявил его членам, что по полученным им известиям из Берлина они в ближайшее время будут зачислены в тамошний капитул, но что для этого надо послать прошение в Берлин.



Из розенкрейцеровских рукописей, принадлежавших А. П. Мельгунову

Из собрания С. П. Мельгунова

Новиков, относившийся недоверчиво к неизвестным ему заграничным масонским ложам, колебался подавать прошение и спрашивал у Шварца о целях заграничного братства и нет ли в них чего-нибудь противного христианской вере и правительственной власти. Шварц уверил его в обратном и говорил, что тайны розенкрейцерского учения ведут кратчайшим путем к познанию Бога, человека и природы. Тогда Новиков отдал ему прошение от себя, а также от своего брата Алексея Ивановича, от Гамалеи, Лопухина, Тургенева, Кутузова и Чулкова. Кроме того, прошения подали князья Трубецкие, князь Черкасский, князь Енгалычев. Весной 1783 года из Берлина пришло известие, что члены, подавшие прошение, зачислены в розенкрейцерское братство и что управление московским отделом поручено Шварцу. Тут кстати будет заметить, что за последнее время между Новиковым и Шварцем возникали частые недоразумения и явилось даже некоторое охлаждение в отношениях из-за масонства. Шварц упрекал Новикова, что тот слишком холодно относится к масонским делам. А Новиков, со

своей стороны, удерживал Шварца от излишних увлечений высшими степенями и заграничными системами. Новиков действительно относился холоднее других к масонским упражнениям, во-первых, потому, что занят был типографскими и издательскими делами; а во-вторых, он всегда и раньше относился не только холодно, но даже враждебно ко всевозможным масонским обрядам и формам. Для него была важна сущность масонства, его идея. Проникнувшись ею, он старался всевозможными путями провести ее в жизнь и в этом находил свое удовлетворение.

1783 год был одним из самых блестящих периодов деятельности “Дружеского ученого общества”. Заседания его велись публично. На них, кроме денежных отчетов, читались письма, получаемые обществом, разные педагогические проекты, произносились назидательные речи и прочее. Число воспитанников в двух семинариях – педагогической и переводческой – достигало 50 человек. Пожертвования делались в таком изобилии, что, кроме издания полезных книг и содержания семинаристов, часть денег могла быть уделяема на филантропические дела, как, например, устройство больницы для бедных. Кроме всего этого, общество получило возможность благодаря указу правительства о вольных типографиях с января 1783 года расширить свою типографскую и издательскую деятельность. До 1783 года типографии принадлежали исключительно правительству и существовали при казенных учреждениях; а 15 января 1783 года вышел указ, которым правительство, тоже озабоченное вопросом о просвещении, разрешало заводить их каждому, кто захочет. Вследствие этого в столицах открылось постепенно много типографий. Формальности, необходимые при печатании книг, не были строго определены. В столицах правила цензуры возлагались на управу благочиния, а в провинциях – на местные полицейские власти. Но о них не было дано никаких специальных инструкций. На заглавном листе книги выставлялась только общая форма: “Печатано в такой-то типографии, в таком-то году, с указного дозволения”. “Дружеское общество” не замедлило воспользоваться этим указом. До сих пор оно имело возможность печатать книги, признаваемые им полезными, лишь в университетской типографии. Но Новиков должен был в ней печатать и много вещей, чуждых целям общества, отчасти по официальным поручениям, а отчасти для получения средств на оплату аренды университету. Теперь общество получило возможность основать типографии, которые отвечали бы только его целям. Поэтому в том же году основано было еще две

типографии. Одна – на имя Новикова, а другая – на имя Лопухина. Кроме того, около этого же времени основана была собственно розенкрейцерами “тайная” типография, т. е. не числившаяся по общему счету. Она помещалась в доме Шварца и состояла из двух станков, на которых работали рабочие-немцы, не имевшие никакого сообщения с прочими и получавшие отдельную плату. В ней печатались в небольшом количестве экземпляров книги, особенно важные для масонов. Это были переводы с французского и немецкого, сделанные самими розенкрейцерами. Корректуру держал Лопухин, и листы, представленные к цензуре, хранил у себя. Книги эти раздавались даром избранным, а в продажу не поступали. Нерозданные экземпляры книг тщательно скрывались.

По примеру Новикова частные типографии стали открываться с этого времени и в провинции. По его же примеру стали открываться в Москве и книжные лавки, а сам он завел несколько книжных лавок в провинциальных городах.

В конце 1783 года оба главнейших деятеля “Дружеского общества”, Новиков и Шварц, тяжело заболели. Новиков, проболев 4 месяца, поправился, а Шварц, силы которого давно уже были подорваны и чрезмерными трудами, и неприятностями, не перенес болезни и умер 17 февраля 1784 года в имении князя Николая Никитича Трубецкого, имея только 33 года от роду.

Смерть Шварца была тяжелой утратой не только для друзей его и для “Дружеского ученого общества”, но и для университетского юношества, которое привыкло видеть в нем высший авторитет, человека почти идеальной честности и благородства, искреннего наставника и Друга.

После смерти Шварца дом его у Меншиковой башни перешел, вероятно, по его предсмертному распоряжению, в ведение общества. Воспитанники семинарии, состоявшие на иждивении общества и жившие в этом доме, были поручены попечению князя Енгалычева. Жене своей и детям Шварц ничего не оставил, но, по предложению Новикова, общество назначило им пенсию, а кроме того, Татищев дал от себя жене Шварца 28 тысяч рублей.

В 1784 году, вскоре после смерти Шварца, “Дружеское общество” приступило к основанию крупного коммерческого предприятия, приобретшего затем очень большое значение. Предприятием этим было основание “Типографической компании”. “Дружеское общество”, имея в виду педагогические и просветительные цели, не могло не считать для себя важным правильную и прочную постановку типографского и издательского дела. До сих пор типография была исключительно в руках Новикова, и дело шло хорошо. Но Новиков, как и всякое

частное лицо, был подвержен разным случайностям. Следовало поэтому создать центр, который был бы от них независим и обеспечен материально взносами участников, связанных с ним общими интересами. Поэтому решили составить в складчину капитал, распоряжаться которым сообща должны были пайщики по заключенному между собою формальному контракту. На собранные средства решено было основать обширную типографию, покупать книги для переводов, рукописи для изданий и т. п. Для управления этим делом пайщики выработали особые правила. Компания составилась из 14 человек.

Управление делами было поручено Н.И. Новикову, С.И. Гамалее, И.В. Лопухину, А.А. Кутузову, барону Шредеру и двум Трубецким. Остальные члены собирались только на общие собрания. В фонд “Типографической компании”, кроме значительных денежных взносов, вошло также и имущество, принадлежавшее “Дружескому обществу”, как, например, дом, числившийся за Шварцем, разные типографские принадлежности, книги, типография Лопухина и впоследствии даже частное имущество, как, например, типография Новикова. Капитал “Типографической компании” составился из взносов – в общей сложности на сумму 57 тысяч рублей. Братья Новиковы передали компании вместо денег книг на 80 тысяч рублей, по оценке 25 копеек за рубль обыкновенной продажной цены. Гамалея и князь Енгалычев были приняты в число членов без взноса. Распоряжение всеми этими капиталами было предоставлено Н.И. Новикову как самому уважаемому члену и самому опытному человеку в типографском и издательском деле.

Первым делом компании было завести обширную типографию на 20 станков, которая считалась принадлежащей не частному лицу, а целому товариществу. Помещалась она сначала тоже в доме Новикова, который был душою всего предприятия. Он не только управлял типографией в узком смысле слова, но, кроме того, заказывал переводы, просматривал рукописи, вел переговоры с переводчиками и сочинителями. До какой степени добросовестно Новиков относился к издательскому делу, до какой степени боялся кого-нибудь оттолкнуть от него и, напротив, старался всеми силами привлечь к литературе, видно из следующих фактов: он платил небывалые по тому времени цены за переводы, а произведения оригинальные оплачивал еще лучше. Иной раз ему случалось покупать два-три перевода одного и того же произведения; он выбирал лучший и печатал, остальные сжигал; но никогда не отказывался принять лишний перевод, чтобы не отбить у переводчиков охоту к работе.

Говоря об издательской и литературной деятельности

Новикова в Москве, мы почти не упоминали о журнальной его деятельности за это время. Не имея возможности говорить о каждом из журналов в отдельности, постараемся очертить общее их содержание и направление.

По переезде в Москву Новиков продолжал издание “Утреннего света” до конца 1780 года. Покончив с этим журналом, он с 1781 года начинает издавать другой, под названием “Московское ежемесячное издание, заключающее в себе собрание разных лучших статей, касающихся до нравоучения, политической и ученой истории и пр.”. Издание это служило продолжением “Утреннего света” и отвечало тем же целям, т. е. издавалось в пользу двух петербургских училищ, Екатерининского и Александровского, существовавших до 1782 года. Продолжением “Московского ежемесячного издания” явилась в 1782 году “Вечерняя заря”. Наконец, в 1784 году вышел последний новиковский журнал, служивший продолжением “Вечерней зари”,– “Покоящийся трудолюбец”.

О содержании журнала “Утренний свет” мы уже говорили. Что же касается остальных трех журналов, то при большом разнообразии содержания каждого из них они отличаются строгим единством направления. В них читатель находит статьи философского характера, психологические, педагогические, сатирические, статьи по общественным вопросам, научные и, наконец, масонские в собственном смысле слова. Последних, впрочем, очень немного. При этом все три журнала представляют цельное и серьезное миросозерцание почти по каждому из указанных вопросов.

Все статьи проникнуты глубоким уважением к разуму, причем нравственность и различные душевные способности – воля, совесть, страсти человеческие – ставятся от него в прямую зависимость. Еще в “Утреннем свете” говорится, что “непросвещение ума и необузданность сердца всегда вместе”. В “Московском ежемесячном издании” говорится, что “мышление есть жизнь” и что “истинная мудрость тесно связана с доброй нравственностью”.

Высокое значение, отводимое журналами разуму и мышлению, возвышает и значение науки. “Невежество, – говорит автор “Московского ежемесячного издания”,– есть ядовитый источник, из коего проистекают все мучения, обременяющие вселенную; слепое суеверие, беззаконие и варварство, уничтожающее искусство, суть его спутники”. Признавая громадную роль разума, Новиков проповедует, однако, и необходимость веры, которая должна являться там, где разум бессилен. Разум и вера должны подкреплять и дополнять друг

друга, потому что разум без веры приводит к отрицанию Бога и Священного Писания, к учению энциклопедистов, против которых Новиков вооружается во всех своих журналах. С другой стороны, вера, не руководимая разумом, приводит к суеверию и фанатизму, против которых издатель вооружается едва ли еще не больше, чем против энциклопедистов. За последними он все-таки признает некоторые научные заслуги, первых же считает безусловно вредными.

Сатира Новикова, почти не заметная в “Утреннем свете”, усиливается в “Московском ежемесячном издании” и является наконец в полном блеске в двух последних журналах – в “Вечерней заре” и “Покоящемся трудолюбце”. Сатира эта – не менее яркая, чем в “Трутне” и “Живописце”,– носит еще более серьезный, еще более скорбно-негодующий характер. Она направлена против коренных недостатков русского общества, против невежества, против пустой и бессмысленной жизни, в которой отсутствуют всякие идеалы, против ханжества, лицемерия, пустосвятства, взяточничества и прочего. По-прежнему особенной резкостью и скорбью звучат его сатиры, бичующие жестокое и бесчеловечное отношение к крестьянам. Крестьянский вопрос – один из тех вопросов, которые Новиков затрагивал решительно во всех своих журналах. Изо всех его сатир и статей, касающихся положения крестьян, нельзя не вывести заключения, что он был горячим и искренним противником крепостного права и имел смелость высказывать свои взгляды без всякого стеснения. Кроме крестьянского вопроса, в своей публицистике Новиков касается еще женского вопроса. Он говорит, что женщине образование необходимо так же, как и мужчине, и что семейное счастье возможно только при условии, чтобы жена могла разделять интересы мужа. Затем Новиков восстает против различных общественных предрассудков, как, например, дуэлей. Он говорит, что честь свою можно защитить только добродетельной жизнью; поединок же является преступлением против общества, так как каждый человек создан для общественной жизни. Новиков вообще враг всякого насилия и враг войны. Он признает только войну оборонительную и ставит идеалом братство народов. Вопросов политики как внешней, так и внутренней, он, по обстоятельствам времени, мало касался. Тем не менее, он говорит, например, о честности в политике; не высказываясь определенно относительно той формы правления, которая предпочитается им, он рисует перед читателем идеал государя, могущего, по его мнению, доставлять счастье подданным. Такой государь должен следовать неуклонно законам, быть доступен для всех и уметь

владеть своими страстями. Он обязан стремиться к улучшению положения своих подданных, уменьшая налоги, покровительствуя наукам, искусствам и торговле, а также следуя мирной политике в отношениях с другими державами. В области внутренней политики Новиков высказывается за равномерное распределение налогов на всех граждан, без различия званий. Статьи научного характера по естествоведению, этнографии, истории имеют место преимущественно в двух последних журналах, т. е. в "Покоящемся трудолюбце" и "Вечерней заре".

Ко всему сказанному нами о московских журналах Новикова прибавим еще следующее.

Рассматривая содержание "Утреннего света", мы указывали, что в своем большинстве статьи в этом журнале были переводными. В последующих журналах, сотрудниками которых были многочисленные выпускники университета и питомцы "Дружеского общества",– мы замечаем постоянное увеличение оригинальных статей сравнительно с переводными.

Переводных статей достаточно, конечно, и в этих журналах, но они не играют уже такой первенствующей роли, как в "Утреннем свете". Это заставляет нас думать, что в промежутке времени между изданием "Утреннего света" и "Покоящегося трудолюбца" успел уже выработаться в достаточном количестве свой русский писатель, вытеснявший переводы со страниц журналов.

Кроме того, в течение десятилетнего существования "Московских ведомостей" под редакцией Новикова при них выходили в виде прибавлений журналы "Экономический магазин", "Городская и деревенская библиотека" и "Детское чтение", а также отдельные листы так называемых "Приложений". В этих прибавлениях Новиков давал интересные популярные статьи по истории, географии, естествоведению и другим наукам. Особенно замечательны его педагогические статьи в "Приложениях" за 1783–1784 годы, из которых некоторые, вероятно, принадлежат его собственному перу. В них затрагиваются все существенные вопросы педагогики, и в своей совокупности они представляют целый курс воспитания. При этом следует заметить, что взгляды, заключающиеся в этих статьях, не только не устарели до нашего времени и не стоят ниже современных идеалов педагогики, но во многом представляют еще до сих пор цель, которую желательно было бы достигнуть. Мы не станем излагать здесь в подробностях педагогические взгляды Новикова; скажем только, что, признавая тесную связь между воспитанием и образованием, он ставит их целью подготовку хороших граждан и счастливых людей и что в

то время, когда в русской жизни вообще, а в воспитании в особенности, практиковались совершенно домостроевские приемы, Новиков проповедовал гуманность в обращении с детьми, отрицал пользу телесных наказаний и требовал уважения к личности ребенка и признания ее самостоятельности.

ГЛАВА V

Первые неприятности. – Столкновение с комиссией народных училищ и иезуитами. – Враждебное отношение к московским масонам графа Брюса. – Екатерина II поручает архиепископу Платону рассмотреть все книги, изданные Новиковым, и "испытать его в законе Божием". – Указы и комедии императрицы, направленные против масонов. – Допрос Новикова в губернском правлении. – Закрытие масонских лож в Москве. – Общий голод в 1787 г. – Воспрещение печатать книги духовного содержания в светских типографиях. – У Новикова отбирают университетскую типографию и "Московские ведомости". – Общая характеристика новиковских изданий

Мы видели, что до сих пор деятельность Новикова развивалась почти беспрепятственно. Особенно хорошо шли его дела в Москве, где с самого начала и до 1784 года ему не пришлось испытать ни одной неприятности со стороны официальных лиц. Хотя императрица давно уже от него отвернулась, но ничем пока не выражала своего к нему недоброжелательства. Происходило это, может быть, отчасти потому, что Новиков действовал далеко от нее, а лица, стоявшие во главе управления Москвой, относились к нему не только снисходительно, но явно ему покровительствовали; а с другой стороны, вероятно, просто не представлялось повода для его преследования.

В августе 1784 года счастье изменяет Новикову и для него начинается целый ряд неприятностей, сначала мелких, а потом все более и более значительных, которые привели наконец к полному прекращению его деятельности и его аресту.

Первая неприятность произошла, собственно, из-за пустяков. Комиссия народных училищ в Петербурге, издавая учебники для вновь открытых ею школ, заключила контракт с неким Бернардом Брейткопфом, по которому она обязывалась печатать все свои издания исключительно в его типографии в течение шести лет. Между тем комиссия усмотрела, что в университетской книжной лавке в Москве и в петербургской книжной лавке комиссионера Артамонова продаются две книги: "Сокращенный катехизис" и "Руководство к чистописанию", перепечатанные Новиковым в своей типографии. Находя эти действия нарушающими права Брейткопфа и вредящими интересам казны, комиссия направила бумагу графу Чернышеву, прося его расследовать, кем и сколько

именно перепечатано в Москве изданных ею книг, описать имеющиеся налицо перепечатанные экземпляры и продать их в ее пользу, а также взыскать с виновных деньги, полученные за проданные уже экземпляры, и представить их в комиссию.

В то время, когда посылалась эта бумага, граф Чернышев, искренне расположенный к Новикову, умер, и бумага была принята временно исполнявшим должность главного начальника, обер-полицмейстером Архаровым, который тотчас распорядился о взятии у Новикова показаний по этому вопросу. Новиков показал, что он не только перепечатал указанные две книги, но что готовится перепечатать еще два учебника, изданных комиссией начальных училищ, и что делал он это по приказанию покойного графа Чернышева, полученному им официально, на бумаге, от правителя канцелярии графа Чернышева – Гамалеи. Кроме того, это приказание было подтверждено дважды устно адъютантами графа. Цена на вышеуказанные учебники была тоже назначена самим графом Чернышевым. Адъютанты И.П. Тургенев и Н.И. Ртищев вполне подтвердили показания Новикова. Тем не менее, с ним, по-видимому, поступили так, как предписывала комиссия.

В это же время с Новиковым случилась и другая неприятность, гораздо более серьезного характера. Он навлек на себя неудовольствие самой императрицы по следующему поводу: к середине XVIII столетия орден иезуитов потерпел повсеместно в Европе поражение и стал отовсюду изгоняться. Гонимые иезуиты нашли убежище в России и сумели заинтересовать своей участью и расположить к себе императрицу и многих высокопоставленных лиц. Между тем Новиков в одном из своих “Приложений” к “Московским ведомостям” 1784 года напечатал “Историю ордена иезуитов”. Автор этой статьи рассказывает историю возникновения ордена, отличие его от других монашеских орденов, цели его и средства, к которым прибегали иезуиты для их достижения. Автор отнесся довольно снисходительно к иезуитам; он признал за ними даже некоторые заслуги. Так, например, он говорит, что этот орден дал больше ученых, чем какой-либо другой, что иезуиты были искусными воспитателями и способствовали просвещению и успеху наук и т. д. Но вместе с тем автор предъявляет иезуитам и некоторые обвинения. Так, например, он говорит, что иезуиты хотели создать государство в государстве, что цели их были направлены к приобретению власти и к обогащению, а средства, употребляемые для достижения этих целей, были часто непозволительны и прочее.

Иезуиты быстро сообразили, что, несмотря на всю сдержанность этой статьи, она для них невыгодна. Они обратили на нее внимание императрицы и постарались ей внушить, что

появление статьи, направленной против лиц, которым она покровительствует, есть акт неуважения к ней. Императрица рассердилась и поспала полицмейстеру Архарову указ о запрещении печатать в Москве “ругательную историю иезуитского ордена”, а если она уже вышла – отобрать экземпляры у получивших ее лиц. Приказание это было в точности исполнено.

Несмотря, однако, на эти неприятности, “Дружеского общества” продолжалась, и оно пополнялось все новыми полезными для себя членами.

Так, в 1785 году к нему присоединились еще два замечательных человека: Григорий Максимович Походяшин и будущий историк Н.М. Карамзин.

Премьер-майор Походяшин был сыном богатейшего купца, который сам был личностью выдающейся по уму, энергии и предприимчивости. Максим Михайлович Походяшин был когда-то крестьянином Казанской губернии и занимался извозом в Верхотурье. Случайно он открыл прииски медной руды, выхлопотал себе ссуду от казны на ее разработку и стал богатеть. Этот-то замечательный человек, любивший сам жить просто, по-старинному, воспитал детей своих по-новому, не жалея для этого никаких средств. Григорий Максимович был младшим сыном, служил в гвардии и в чине премьер-майора вышел в отставку. Еще будучи на службе в Петербурге, он вступил в масоны, а по приезде в Москву в 1785 году познакомился с Новиковым и сделался его усердным почитателем. Здесь он получил теоретический масонский “градус”, т. е. получил масонскую степень, и сделался, таким образом, членом московского кружка.

Н.М. Карамзин, в то время еще совсем юноша, примкнул к членам “Дружеского ученого общества” благодаря содействию И.П. Тургенева, познакомившегося с ним в Симбирске. Тургенев был симбирским помещиком и, живя в 1785 году в Симбирске и устраивая свои дела с именьем, встретился в обществе с Карамзиным, игравшим там большую роль. Карамзин был тогда уже в отставке, в чине поручика. Тургенев, сразу выделивший Карамзина из окружавшей его среды, вскоре сошелся с ним и, оценив его ум и блестящие способности, стал говорить ему, что грешно тратить такие дарования исключительно на светские удовольствия, что есть другие, высшие цели в жизни. Он убеждал Карамзина ехать в Москву и примкнуть к деятельности его кружка. Карамзин согласился, переехал в Москву и сошелся тут с членами “Дружеского общества”. Последние стали всячески помогать ему в завершении образования и в занятиях литературными трудами.

Карамзин поселился в бывшем доме Шварца вместе с Петровым, с которым он был уже давно знаком и даже дружен. Петров принимал близкое участие в литературных делах “Дружеского общества”. Он занимался переводами для его изданий и редактировал с 1785 года журнал “Детское чтение”, в котором Карамзин помещал свои первые труды. Четыре года проработал Карамзин под руководством новиковского кружка. Этот серьезный труд и постоянное общение с самыми лучшими и образованными людьми того времени имели большое влияние на развитие его таланта. Карамзин вскоре отошел от масонского учения, но навсегда сохранил дружеские отношения с Новиковым и благодарные воспоминания о членах его кружка.

В 1785 году “Дружеским обществом” совершена была покупка обширного здания, которое, будучи перестроено сообразно нуждам общества, могло вместить несколько разнородных его учреждений. Дом этот, принадлежавший прежде Гендриковым, был куплен сначала на имя барона Шредера, но потом Шредер отказался от него за неимением денег, и он был перекуплен на имя “Типографической компании”. Перестройкой его занимался Н.И. Новиков. В доме поместились типография и работавшие в ней рабочие, а также аптека, устроенная обществом, из которой беднякам выдавались бесплатно лекарства. Члены общества покупали за границей разные медикаменты и приучали народ к употреблению неизвестных прежде лекарств.

В этом же доме помещались вдова Шварца с детьми, Гамалея и брат Николая Ивановича – Алексей Иванович Новиков. Тут же было устроено помещение и для розенкрейцерских собраний.

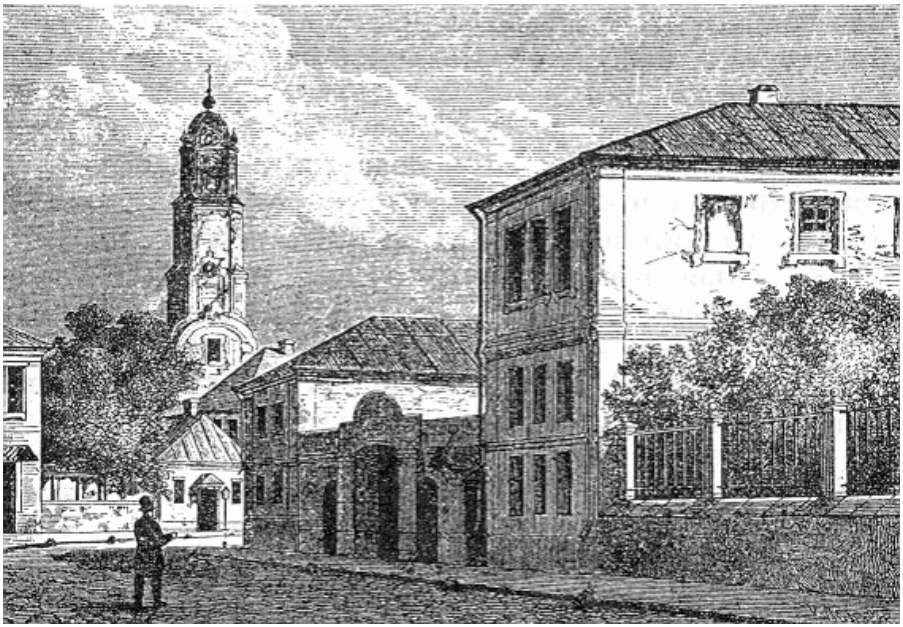
Здесь надо упомянуть об одном обстоятельстве, имевшем впоследствии немалое значение для Новикова. Барон Шредер, купивший было вначале гендриковский дом, а потом от него отказавшийся, пожелал после этого выделиться из компании и совершить сделку, выгодную для него и невыгодную для компании. Новиков, понявший расчеты Шредера и знавший лучше, чем кто-либо другой, дела товарищества, воспротивился этой сделке, склонив и других членов к поддержке своего мнения. Последствием этого была ненависть барона Шредера к Новикову и стремление ему отомстить. В этом же году при типографии Новикова, в числе других редких книг, вышло замечательное сочинение Сен-Мартена “О заблуждении и истине” в переводе П.И. Страхова, бывшего впоследствии профессором Московского университета. В 1785 году Страхов отправляется учиться за границу на деньги “Дружеского общества”.

Несмотря, однако, на такое видимое процветание дел общества, члены его не пользовались больше такой свободой в

своих поступках, как при графе Чернышеве. У них теперь появился сильный враг в Москве. Врагом этим был граф Брюс, человек суровый и деспотичный. Брюс ненавидел масонов, подозревая их в проповедовании идей, подрывающих власть и существующий порядок. Он выражал свою антипатию к ним открыто, говоря, что будет делать им всякое зло. Таким образом, все масоны, служившие под начальством графа Чернышева – Гамалея, Тургенев и Лопухин, – должны были выйти в отставку. Брюс писал часто донесения на масонов императрице и вообще вредил им где только мог. Так, когда Екатерина в 1785 году приехала неожиданно в Москву из Тверской губернии, где она осматривала водяное сообщение, он не упустил случая наговорить на масонов и успел сильно восстановить ее против них. В это время в Западной Европе случилось событие, благодаря которому правительство наше стало смотреть на масонов еще с большим недоверием и даже враждебностью.

Мы уже говорили об учении масонского ордена иллюминатов. Хотя оно стало известным вполне лишь после уничтожения их ордена, но и до этого времени иллюминаты возбуждали всеобщее недоверие в Европе. В последнее время они, вместе с главою своим Вейсгауптом, нашли убежище в Баварии.

Однако Карл Теодор, курфюрст Баварский, убедившись вследствие неосторожности некоторых членов в преступности их замыслов, уничтожил орден указом в августе 1785 года. Бумаги ордена были опечатаны и открыли свету истинные цели иллюминатов. Все правительства Европы заволновались, узнав, какая опасность угрожала их спокойствию. Волнение это не могло не сказаться и в Петербурге. К московским масонам, или – как их все называли – мартинистам, стали относиться еще хуже. Зложелательные языки не замедлили обвинить их в иллюминатстве. На самом деле мартинисты не только были далеки от иллюминатства, но относились к нему враждебно, так как еще раньше получали из Берлина циркуляры, которыми их предостерегали от влияния иллюминатов как людей, преследующих политические цели.



Масонский дом в Москве

В описываемое время, ввиду волнующих общество обстоятельств, из Берлина пришел новый циркуляр, подтверждавший предостережение. Но у мартинистов, умевших создать себе много почитателей, было вместе с тем и много врагов. Одни видели в них шарлатанов, которые прикрываются религиозными целями для ловли в свои сети богатых людей; духовенство считало их какой-то особенной сектой, извращающей догматы православной церкви; люди более серьезные подозревали их в опасных политических замыслах, в желании создать какую-то отличную от правительства власть в государстве, а в их филантропических и просветительных делах видели просто способ привлечь к себе больше сторонников и замаскировать свои истинные цели. Таким образом смотрела на них, по всем вероятиям, и Екатерина. Настроенная против мартинистов, она отправила в октябре 1785 года в Москву два указа: один – графу Брюсу, другой – архиепископу Платону; указами этими повелевалось произвести осмотр всех имевшихся в Москве частных училищ, школ и пансионов с целью узнать, как преподается в них Закон Божий. “При этом долженствует быть наблюдаемо, – говорится в указе, – *чтобы тут всякое суеверие, развращение и соблазн терпимы не* были”,чтобы книги были употребляемы преимущественно те, которые изданы комиссией по народному образованию, и чтобы в учителя были выбираемы лица “по полным одобрениям в их нравах и образе мыслей”. Ясно, в кого метила императрица, издавая эти указы. В декабре граф

Брюс и архиепископ Платон получили новые указы. Брюсу предписывалось через губернского прокурора сделать опись книгам, изданным Новиковым, и эту опись, вместе с экземпляром каждого сочинения, препроводить для рассмотрения архиепископу Платону. В указе Платону сообщалось о распоряжениях, данных Брюсу, и, кроме того, предписывалось ему призвать Новикова и испытать его в Законе Божием, а книги его рассмотреть и донести обо всем императрице и Синоду – “не скрывается ли в них умствований, не сходных с простыми и чистыми правилами веры православной и гражданской должности”. Далее говорится, что через посредство полицейских учреждений все книги, выходящие из печати, подвергаются цензуре, а так как иные из них касаются религиозных вопросов, то архиепископу следует назначить духовных цензоров, которые должны будут рассматривать книги этого рода.

Московский губернский прокурор, получив предписание от Брюса, сделал опись книгам, продававшимся у Новикова, и отправил эту опись, с приложением по экземпляру каждого сочинения, архиепископу Платону. Рассмотрению подвергалось 461 сочинение. 11 января 1786 года Новиков был призван к Платону для испытания его в Законе Божием. Ему было предложено 12 вопросов, на которые он должен был отвечать письменно. Из них 11 касались собственно правоверия Новикова. Он должен был отвечать: признает ли он бытие Божие, бессмертие души и прочее. В двенадцатом же вопросе спрашивалось, признает ли он себя принадлежащим к обществу франкмасонов? На первые 11 вопросов Новиков отвечал утвердительно, а на двенадцатый ответил, что издавна принадлежит к обществу франкмасонов, так как не считал это общество противозаконным, ибо к нему принадлежали и высшие сановники. Результатом этого испытания было донесение императрице архиепископа Платона, в котором он говорит следующее: “Как перед престолом Божьим, так и перед престолом Твоим, всемилостивейшая государыня императрица, я одолжаюсь по совести и сану моему донести тебе, что молю всещедрого Бога, чтобы не только в словесной пастве, Богом и Тобою, всемилостивейшая государыня, мне вверенной, но и во всем мире были христиане такие, как Новиков”. Этот ответ архиепископа Платона указывает несомненно на то, что он питал уважение к Новикову.

Что же касается книг, подвергшихся рассмотрению Платона, то он разделил их на три разряда: к первому причислил книги, которые счел полезными для распространения; ко второму – книги мистического содержания, о которых он, по непониманию

их, судить не может; наконец, к третьему разряду причислил книги, которые считал безусловно вредными и подлежащими уничтожению, – то были сочинения энциклопедистов.

Из этого мы опять-таки считаем вправе заключить о добром отношении Платона к Новикову. Вряд ли он был вовсе не в состоянии понять мистических сочинений; скорее, он просто желал отклонить от себя приговор, могший так или иначе повредить Новикову.

Впрочем, мнению, высказанному архиепископом относительно рассмотренных книг, и не придали значения. Книги, признанные им вредными, были допущены к продаже; те же сочинения, которые он не пожелал понять, были признаны вредными и изъяты из обращения. Этому подверглось 6 сочинений мистического характера и, между прочим, сочинение Сен-Мартена “О заблуждении и истине”. В марте 1786 года граф Брюс получил из Петербурга указ о том, чтобы эти 6 сочинений, список которых прилагался, были “оставлены за печатью” и не допускались к продаже. С остальных же книг, подвергшихся описи, запрещение было снято.

Говоря о судьбе, постигшей издания Новикова, рассмотренные архиепископом Платоном, мы забежали несколько вперед. Нам предстоит теперь еще рассказать вкратце о событиях начала 1786 года.

Императрица Екатерина, вооружившись против мартинистов, решила действовать против них, что называется, везде и всюду. Не довольствуясь мерами официальных репрессий, которые она практиковала относительно Новикова, бывшего в ее глазах главою ненавистного ей общества, она задумала испробовать против мартинистов старое средство – сатиру. Екатерина снова начала писать комедии, в которых осмеивала суеверия всякого рода и изображала масонов обманщиками и лицемерами, эксплуатирующими доверие общества ради своей личной выгоды. В январе 1786 года она написала комедию “Обманщик”, которая была представлена на сцене эрмитажного театра. За этой комедией последовала другая – “Обольщенный”, – игранная и в эрмитажном, и в публичном петербургском театре в феврале того же года. В июле 1786 года она написала комедию “Шаман Сибирский”. Все три комедии имели громадный успех и на сцене, и в продаже, когда они вышли в печати. Кроме того, они вызвали своим появлением в Петербурге массу сатир, эпиграмм и статей, направленных против мартинистов.

Зато в Москве комедии эти, кажется, на сцене играны не были и не нашли никакого отклика в московской журналистике. Выражая масонам свое негодование, высмеивая их, императрица в

то же время продолжает посылать в Москву указ за указом, направленные против мартинистов вообще и против Новикова в частности. В конце января граф Брюс получает от нее опять два указа. Первым из них повелевалось подчинить Приказу общественного призрения все школы и больницы в Москве, кроме тех, которые имеют особые грамоты или привилегии или состоят в особом правлении, светском или духовном. Затем повелевалось осмотреть больницу, заведенную в Москве людьми, составляющими “скопище нового раскола”, осмотреть школы, заведенные ими, и наблюдать, чтобы впредь училища учреждались не иначе как под ведением Приказа, на основании общих законов, и чтобы в них “раскол, праздность и обман не скрывались”. Вторым указом повелевалось объявить Новикову, что типографии заведены для печатания полезных книг, а не сочинений, наполненных “новым расколом для обмана и уловления невежд”, и затем допросить его о причинах, побудивших его к изданию таких книг, и о целях его. Вероятно, в силу первого из этих указов обер-полицмейстер сделал осмотр помещения студентов в бывшем Шварцевом доме. Этот осмотр побудил Новикова и его друзей к такому шагу, который им впоследствии повредил. Как мы уже говорили, в Шварцевом доме помещалась тайная типография, состоявшая из двух станков для печатания масонских книг. Ввиду предстоящего осмотра дома оба станка были перенесены в типографию компании, а напечатанные здесь книги сложены ночью на подводы и отправлены на хранение в подмосковное имение князя Черкасского. Впоследствии они были перевезены оттуда к Новикову в Авдотьино, где и лежали до 1792 года.

По второму указу Новиков был допрошен в губернском правлении по вопросам, в нем обозначенным. Он показал, что печатал разные сочинения, получаемые от авторов и переводчиков с разрешения законной цензуры, имея в виду “приносить трудами пользу отечеству чрез распространение книжной торговли и честным образом получать законами не возбраненный прибыток”. Какие же из напечатанных у него сочинений “противны законам”, того он не знает, ибо “читал из них малое число, полагаясь на цензуру, которой он обязан был подвергать их по контракту своему с университетом”.

Вопросы, предложенные Новикову вместе с его письменными ответами, были препровождены в Петербург.

Кроме мартовского указа Брюсу о том, как поступать с книгами, отпечатанными у Новикова в университетской книжной лавке, у него были отобраны экземпляры шести запрещенных сочинений, уложены в короба, запечатаны и оставлены в его

кладовой, причем с него была взята подписка о том, что он ни перепечатывать, ни продавать эти издания не будет. Тут Новиков сделал опять оплошность, много ему впоследствии повредившую. Производя у него в лавке обыск, губернский прокурор не догадался осмотреть книжный склад, где хранились между прочим и экземпляры сочинений, изъятых из продажи. Новиков же не только не заявил о них, но через некоторое время с ведома своих компаньонов сдал их на хранение книгопродавцу Кольчугину, который стал рассылать их по ярмаркам и продавать.

После всех случившихся неприятностей Новиков и товарищи его увидели очень ясно, что императрица сильно настроена против них и что дальнейшую деятельность надо продолжать очень осторожно. К этому времени “Типографическая компания” сосредоточивала уже в своих руках все дела как печатные и издательские в узком смысле слова, так и те, ведение которых принадлежало прежде “Дружескому ученому обществу”. Преследуя одни и те же цели и имея одних и тех же членов, “Типографическая компания” с самого своего возникновения постепенно сливалась с “Дружеским обществом”, пока наконец последнее не исчезло совершенно как нечто отдельное и независимое. В то же время благодаря отчасти внешним неблагоприятным обстоятельствам, а отчасти ухудшению материальных средств компании семинарии переводческая и педагогическая едва ли не были закрыты, а число питомцев при университете уменьшилось до пятнадцати человек. Однако компания продолжала еще посылать молодых людей учиться за границу. Так, в 1786 году за ее счет поехал учиться медицине молодой Багрянский.

В этом году, вероятно вследствие негласного распоряжения правительства, были уничтожены все масонские ложи в Москве, и собрания в них прекратились. Событие это не имело особенно важного значения для мартинистов, потому что масонские ложи еще до закрытия были уже редко посещаемы в то время не только второстепенными, но и главными масонами. Это не мешало последним быть, однако, ревностными розенкрейцерами. О розенкрейцерстве, существование которого было тогда тайной, никто не догадывался, и распоряжение о закрытии лож нисколько его не касалось. Однако члены этого кружка старались замкнуться еще больше и даже прекратили сношения со многими влиятельными масонами, не бывшими в то же время розенкрейцерами. В это время орден их существовал в Москве под начальством барона Шредера.

В июне 1786 года случилось событие, давшее возможность Новикову и его кружку хоть на время вздохнуть спокойнее.

Событием этим была отставка Брюса. На его место назначен был Еропкин, человек чрезвычайно энергичный, но вместе с тем добрый и благородный. В Москве он пользовался громадным уважением после того, как в 1771 году во время чумы добровольно принял бразды правления и успокоил этот брошенный на произвол судьбы город. Еропкин не был враждебно настроен против мартинистов и если что-нибудь предпринимал против них, то по приказанию, а не по своей инициативе. Успокоенные с этой стороны розенкрейцеры скоро почувствовали, однако, снова беспокойство благодаря другого рода обстоятельствам, складывавшимся для них неблагоприятно. В августе 1786 года умер Фридрих Великий и на прусский престол взошел Фридрих Вильгельм, человек бесхарактерный, относившийся враждебно к России под влиянием своего министра Герцберга. Король этот был ревностным масоном. Он приблизил к себе главу берлинского масонства, Вельнера, и сделал его впоследствии министром духовных дел. Наши розенкрейцеры приняли розенкрейцерство через Шварца от Вельнера и считались под его начальством. Теперь они оказались, таким образом, под начальством лица, приближенного к монарху враждебной нам державы.

В конце этого года барон Шредер заявил московским розенкрейцерам, что вследствие усилившихся происков иллюминатов он получил из Берлина приказание наложить на орден *силанум,* или бездействие, когда всякая переписка и официальная деятельность членов ордена должна прекращаться. Силанум этот продолжался несколько лет до самого разгрома розенкрейцеров. Наступил 1787 год. Это был год очень тяжелый для России, один из тех годов, воспоминание о которых, переходя из поколения в поколение, долго живет в памяти народной. Почти повсеместно свирепствовал голод. Цены на хлеб страшно поднялись, люди питались сушеным мхом, корою, листьями и прочими веществами, которыми старались заменить хлеб, болели и во множестве умирали. Были, однако, люди, горячо принимавшие к сердцу народное горе и старавшиеся помочь бедствовавшим всеми зависевшими от них средствами. Людьми этими были мартинисты. Они часто собирались и обсуждали средства, как помочь беде. На одном из таких собраний Новиков говорил речь. По окончании ее к нему подошел Г.М. Походяшин и предложил ему часть своего состояния на помощь голодающим. Новиков согласился и на деньги Походяшина стал скупать хлеб большими партиями и раздавать его голодающим в Москве и у себя в Авдотьине. В обществе не знали, что хлеб покупается на средства богача Походяшина, и все недоумевали, откуда у

мартинистов берутся такие деньги. Стали поговаривать даже о фальшивых бумажках. К голоду присоединилось еще новое бедствие: война с Турцией. Казалось бы, императрица, удрученная такими заботами, должна была временно забыть о мартинистах. Она доказала противное, издав в июне этого года указ, которым воспрещалось печатание книг религиозного содержания в светских типографиях. Печатание их отныне должно было принадлежать духовным типографиям. В силу этого закона были осмотрены книжные лавки, причем все найденные в них духовные сочинения отобраны и сданы на хранение в синодальную контору. Издание этого указа имело большое значение для “Типографической компании”, которая ежегодно выпускала в большом количестве духовные сочинения. Ликвидировать свои дела ей было просто невозможно вследствие запутанности общих счетов, да и, кроме того, не хотелось бросать излюбленного дела. Поэтому Новиков решил продолжать свою издательскую деятельность, изменив несколько ее направление. В этом году барон Шредер уезжал насовсем за границу. Он просил прислать кого-нибудь в Берлин для получения там масонских наставлений, необходимых для принятия начальствования над розенкрейцерами по окончании силанума. С общего совета в Берлин был послан на средства кружка Кутузов.

В том же году у мартинистов через преданного им архитектора Баженова завязались было сношения с наследником Павлом Петровичем. Баженов передавал, что Павел Петрович интересуется делом мартинистов, и Новиков послал ему несколько экземпляров мистических сочинений, но продолжать с ним дальнейшие сношения он побоялся.

Отказавшись по необходимости от печатания духовно-нравственных сочинений, Новиков не только решил продолжать издательскую деятельность, но мечтал даже о возобновлении контракта, по истечении его срока в 1789 году, с тем чтобы вернуться на старый путь и заняться изданием документов по русской истории. Так, в 1787 году он издал “Историю скифскую” Лызлова, 1-ю часть “Истории российской” Левека, “Родословную книгу князей и дворян российских и выезжих” и др. В 1788 году он, между прочим, издал вторым изданием, исправленным и дополненным, “Российскую вивлиофику”. Однако дела “Типографической компании”, несмотря на эти издания, сильно пошатнулись. Книги шли туго и не давали прежнего барыша. Компания должна была продать дом, купленный на имя Шварца, и отказаться от содержания Кутузова за границей. С этих пор Кутузов жил там за свой счет, а не на средства общества.

Между тем Новикова ожидало еще одно разочарование.

Императрица велела отказать ему в возобновлении контракта на содержание университетской типографии. В мае 1789 года содержание ее и издание “Московских ведомостей” передано было коллежскому асессору Светушкину.

С прекращением “Московских ведомостей” прекратились и журналы “Детское чтение” и “Экономический магазин”.

После отнятия у Новикова университетской типографии он продолжал еще печатание в типографии компании, но собственно нового им уже ничего не было издано, а только перепечатывалось старое. Теперь мы можем подвести итоги его литературной и издательской деятельности.

Больше двадцати лет (1769–1791) подвизался Новиков на этом поприще. Он издавал три сатирических журнала: “Трутень”, “Живописец” и “Кошелек”, четыре популярно-философских – “Утренний свет”, продолжение его, называвшееся “Ежемесячным московским изданием”, “Вечернюю зарю” и “Покоящегося трудолюбца”, затем несколько журналов разнородного содержания и “Детское чтение”, которое он давал в виде приложений к “Московским ведомостям”. Кроме того, в течение десяти лет Новиков редактировал “Московские ведомости”, превратив их из сухого, чисто официального органа в живую газету, отвечавшую разнообразным вопросам времени. Все эти издания, за весьма малыми исключениями, Новиков сам редактировал и во многих помещал свои собственные статьи, благодаря чему его журналы отличались единством и цельностью направления. Мы уже указывали на их содержание, а потому теперь отметим только те главные принципы, которые проводились в них и выражали направление всей его деятельности.

Прежде всего, с первых шагов своего вступления в литературу Новиков высказывает глубокое уважение к человеческому разуму, а следовательно, к науке и просвещению. Он ставит все житейское зло, как, например, жестокость, лицемерие и ханжество, всякого рода несправедливости и прочее в прямую зависимость от невежества, от “непросвещения разума”. Наряду с разумом Новиков признает, однако, и необходимость веры как дополнения к нему. По его убеждению, разум и вера должны находиться в тесной зависимости, подкрепляя друг друга.

Как идеалист Новиков искал примирения между умом и сердцем; он не мог остановиться на признании одного ума, потому что тогда перед ним открылась бы целая бездна сомнений и неизвестности, чего не могла допустить его любвеобильная натура, побуждавшая вносить в жизнь положительные идеалы. Эти-то два основных принципа, т. е. желание пробудить

общественный ум и открыть ему путь к просвещению, с одной стороны, и желание указать ему способ к нравственному усовершенствованию посредством христианской веры, с другой, – направляют всю издательскую деятельность Новикова. Он издает множество книг с просветительной целью, начиная от элементарных учебников и кончая научными сочинениями по всевозможным областям знаний, которые были тогда доступны и необходимы русскому обществу. Тут были и исторические сочинения, среди которых особенно замечательны его сборники материалов для изучения русской истории, и педагогические, философские, агрономические, медицинские и прочие. Из беллетристики он издал переводы многих классических сочинений, как, например, “Потерянный рай” Мильтона, “Дон-Кихот” Сервантеса, несколько сочинений Шекспира в переводах Карамзина. Из беллетристики Новиковым было напечатано и много других сочинений, отчасти, вероятно, для того, чтобы хоть этим приохотить публику к чтению, а отчасти и просто ввиду материальной необходимости: надо же было соблюдать интересы типографии, за которую приходилось платить аренду университету.

Проповедуя необходимость образования, Новиков, естественно, не мог пройти мимо вопроса о воспитании. Он первый у нас в литературе заговорил о педагогике и высказал по этому поводу более столетия тому назад такие взгляды, которые представляют еще и в наше время недостижимый идеал. Он же положил начало изданию первого детского журнала в России. В интересах веры Новиковым было издано также очень много книг по религиозно-нравственным вопросам; принадлежность его к масонству придавала большинству из этих сочинений мистический характер.

Таким образом, Новиков является человеком, который впервые начинает мужественно и энергично пробивать со всех сторон толстую стену русского невежества. В течение 20-ти лет он беспрерывно будит общество то сатирой, переходящей порой в негодование, то усиленными попытками заинтересовать его наукой, литературой, вопросами педагогическими и религиозными. Старания эти не остаются без результатов. Новикову удается “создать” читателя, да и не только читателя, но и писателя. Мысль, однажды пробужденная и заинтересованная вопросами духа, вызвала у людей даровитых желание писать, а Новиков поддерживал это желание, употребляя все усилия, чтобы дать окрепнуть и выработаться молодым талантам. Мы уже указывали на то, что в “Утреннем свете”, первом философском журнале Новикова, было гораздо больше переводных статей, чем

в последующих.

В середине 80-х годов, в самом блестящем периоде своей деятельности, Новиков стоит во главе кружка лиц, которые всецело посвящают свои силы интересам литературы и науки. При этом нельзя не вспомнить о безвременно погибшем Иване Григорьевиче Шварце, который может по справедливости разделить заслугу Новикова перед потомством.

Новиков и Шварц сумели разжечь и поддержать тот божественный огонь, который с тех пор то ярче, то слабее, но непрерывно горит в обществе и напоминает ему, что не единым хлебом должно жить человечество.

ГЛАВА VI

Переезд Новикова в Авдотьино. – Назначение в Москву князя Прозоровского. – Травля мартинистов. – Ликвидация "Типографической компании".– Обыск у Новикова. – Арест его и доставление в Москву под конвоем. – Допрос у Шешковского. – Заключение в Шлиссельбургскую крепость. – Воцарение Павла и освобождение Новикова. – Последние годы его жизни в Авдотьине

Неприятности последних лет подорвали окончательно и без того расстроенное здоровье Новикова и вынудили его с конца 1788 года поселиться в Авдотьине, откуда он мог изредка приезжать в Москву по делам издательства.

Плохо жилось Новикову и его друзьям в эти последние годы их деятельности. Не говоря уже о том, что издательские дела их шли все хуже и хуже, они жили под гнетом недружелюбного отношения к ним правительства и под вечным опасением навлечь на себя какие-нибудь новые неудовольствия. К довершению всех бед, в 1789 году во Франции разыгралась революция. Императрица, давно уже отказавшаяся от своих первоначально либеральных стремлений, теперь, под влиянием ужасов революции, решила стереть с лица земли все, что носило у нас хоть тень какой-нибудь независимости. То, что считалось законным и возможным десять, даже пять лет тому назад, сделалось теперь не только невозможным, но и подвергалось гонению. Просвещенные вельможи, сподвижники первых годов царствования Екатерины, сошли со сцены; их заменили другие… Злонамеренные люди, пользуясь случаем проявить свое усердие, стали изощряться в доносах. Мартинистов стали обвинять в революционных намерениях, особенно после того, как оказалось, что многие видные деятели французской революции вышли из тамошних масонских лож. Над мартинистами, очевидно, собиралась гроза. На их несчастие Еропкин, относившийся к ним без всякой неприязни, был в 1790 году уволен по прошению в отставку. На его место назначен был генерал-аншеф князь Прозоровский, человек невежественный, ограниченный и надменный. Очевидно, он был послан Екатериной в Москву специально для того, чтобы ее подтянуть и не дать развиться в ней элементам, которых правительство при данных политических обстоятельствах очень опасалось. Князь Прозоровский оправдал вполне возлагавшиеся на него надежды. По приезде в Москву он окружил мартинистов шпионами, которые доносили ему о

каждом их шаге. Письма их вскрывались на почте и все казавшиеся почему-либо подозрительными задерживались. Тут следует отметить одно обстоятельство, касающееся Новикова. Мы уже знаем, что барон Шредер, ненавидевший его и желавший ему отомстить, уехал в 1787 году за границу. Живя в Германии, Шредер, тем не менее, следил за тем, что происходило в России. Зная о гонениях, обрушенных на мартинистов, он нашел это время самым удобным для отмщения Новикову. С этой целью он стал писать ему из-за границы о каких-то таинственных делах, будто бы известных Новикову. Письма эти, конечно, не доходили по адресу. Они задерживались на почте, возбуждая против Новикова сильные подозрения, и впоследствии были поставлены ему в вину.

Прозоровский слал на мартинистов донос за доносом Екатерине и наконец до такой степени настроил ее против них, что она даже спросила его, почему же он не велит арестовать Новикова. Прозоровский отвечал, что ей стоит лишь приказать. Но Екатерина не решалась еще на эту меру, не находя причины для ареста. Между тем дела “Типографической компании” шли все хуже и хуже, и наконец, с общего согласия ее членов, в ноябре 1791 года был подписан акт о ее ликвидации. В силу его Новиков оставил за собой дом у Никольских ворот, купленный на его имя, все книги, напечатанные в типографиях, которыми он заведовал, т. е. в университетской, “компанейской” и лопухинской, типографские принадлежности и аптеку. При этом Новиков принимал на себя долги общества, достигавшие тогда 300 тысяч рублей. В 1791 году Новиков овдовел и стал уже безвыездно жить в Авдотьине, занимаясь воспитанием своих детей и племянников Хрущовых, живших у него вместе с учителем. У него поселился в это время и молодой Багрянский, вернувшийся в том же году из-за границы, где он получил степень доктора медицины. Но недолго пользовался Новиков спокойной жизнью в Авдотьине. Императрица, давно уже решившая с ним покончить и дожидавшаяся только предлога, наконец нашла его… Ей была доставлена книга с выдранным заглавным листом, напечатанная церковным шрифтом и содержащая в себе раскольничьи сочинения. То была “История об отцах и страдальцах соловецких”, написанная и когда-то напечатанная старообрядцами, а потом перепечатанная неизвестно кем (может быть, и действительно Новиковым), вероятно, в видах сохранения редкого раскольничьего документа. В перепечатке этой книги, заключавшей статьи, противные духу православия и правительству, императрица заподозрила Новикова, который, по дошедшим до нее слухам, устроил даже у себя в имении тайную

типографию, и указом от 12 апреля 1792 года предписала Прозоровскому произвести у Новикова внезапный обыск как в Авдотьине, так и в московском его доме. Если бы у Новикова нашлись церковные шрифты и экземпляры вышеуказанной книги, то они должны были быть конфискованы, а сам он как издатель подвергнуться ответственности, т. е. взят под присмотр и допрошен. Затем Прозоровскому предписывалось также исследовать вопрос, каким образом Новиков, не получивший большого состояния ни по наследству, ни другими законными путями, считается теперь в числе богатых людей и как приобрел он свое состояние. Обо всем, что откроется, повелевалось донести немедленно и обстоятельно.

Утром 22 апреля лица, уполномоченные Прозоровским произвести обыск, прибыли в Авдотьино и приступили к делу. Шрифтов и церковных литер не оказалось, но зато найдены были книги, напечатанные в тайной розенкрейцерской типографии и перевезенные в Авдотьино из имения князя Черкасского. Обстоятельство это так подействовало на Новикова, что он захворал. С ним стали происходить частые обмороки, поэтому его не решились везти тотчас же в Москву, а оставили в Авдотьине на попечении Багрянского и под присмотром никитского городничего и его команды.

Между тем в Москве тоже производились обыски. Обысканы были дом компании, новиковская и все вольные книжные лавки. Тут было найдено 20 книг, продажа которых была запрещена в 1786–1787 годах, и 48 напечатанных без указного дозволения. Книгопродавцы были призваны к ответу и, хоть сначала и запирались, но потом показали, что книги эти они получали от Новикова и развозили их по ярмаркам, а Кольчугин, бывший приказчиком в лавке у Новикова, заявил, что таких книг хранится на складах гостиного двора и на суконной фабрике за Москвой-рекой на сумму до пяти тысяч рублей. Кольчугин и сидельцы в лавке Новикова были задержаны, остальные отпущены.

Прозоровский, получив известие, что Новиков оставлен в Авдотьине по случаю болезни, нашел, что команды городничего мало для охраны такого важного преступника, и послал в Авдотьино гусарского майора, князя Жевахова, с двенадцатью солдатами при обер – и унтер-офицерах и капрале.

Князь Жевахов должен был иметь караул над Новиковым и привезти его в Москву при первой возможности. Появление Жевахова в деревне было в то время событием неслыханным и возбудило всеобщее недоумение и испуг, а на детей Новикова появление солдат произвело такое впечатление, что с сыном его и одной из дочерей сделались припадки падучей болезни, которой

они страдали затем до конца жизни. Жевахов нашел возможным везти Новикова тотчас же, несмотря на то, что последний был совсем болен. Через два часа по прибытии Жевахова в Авдотьино Новикова везли уже под конвоем в Москву. Событие это сильно огорчило как крестьян Николая Ивановича, которые оплакивали его, как родного отца, так и всех соседних помещиков, которые любили его и уважали. С Новиковым поехали Багрянский и один из слуг, а дети Николая Ивановича и его племянники остались в Авдотьине, где поселился гусарский офицер с четырьмя солдатами для того, чтобы помешать вывозу чего-либо запретного из имения.

По прибытии в Москву Новиков был тотчас же доставлен к Прозоровскому, который снял с него допрос, а затем отпустил его под домашний арест, так как Новиков был слишком болен и не мог быть посажен в острог; да и по букве предписания его следовало арестовать в том лишь случае, если у него окажутся “литеры”, а их не оказалось.

С Новиковым поселился Багрянский. Жевахову велено было иметь над ними самый строгий надзор, и даже лекарства позволялось прописывать не иначе как в его присутствии. Прозоровский допрашивал Новикова несколько раз и каждый раз, донося о том императрице, характеризовал его как человека “коварного” и “лукавого”, имеющего “дерзкий и смелый характер”, человека, от которого трудно добиться показаний, и просил прислать для допроса знаменитого в то время сыщика Шешковского. Дело в том, что Прозоровский был человеком очень недалеким и к тому же невежественным; он не имел ни малейшего понятия о масонстве, а потому затруднялся вести дело Новикова и желал от него избавиться. Императрица, очень довольная энергией и распорядительностью Прозоровского, тем не менее, сама, вероятно, убедилась, что ведение этого дела ему не по силам. Донесения его по поводу масонских бумаг, найденных у Новикова, представляли целый ряд неправильных и неосновательных суждений и только запутывали дело. Поэтому императрица решила передать Новикова Шешковскому. Для этого велено было со всей осторожностью, не по петербургскому тракту, а через Ярославль и Тихвин, препроводить его в Шлиссельбургскую крепость. Коменданту крепости велено было принять арестанта, которого привезут от Прозоровского, без обозначения фамилии.

10 мая в два часа ночи к дому Новикова в Москве подъехала кибитка, в которую был посажен больной вместе со своим слугою и с Багрянским, получившим разрешение добровольно разделить его участь. Перед отъездом они все трое были обысканы, и у них

отобрали все вещи, которыми они могли бы нанести себе какой-нибудь вред. Арестованного сопровождал конвой из двух офицеров, трех унтер-офицеров и шести солдат под начальством князя Жевахова. Всю дорогу за Новиковым неустанно следили, чтобы он над собой чего-нибудь не сделал, и в то же время тщательно умалчивали о том, куда его везут. Наконец больного, измученного, разбитого физически и нравственно, его привезли в Шлиссельбургскую крепость и посадили в тот самый каземат, где некогда томился несчастный Иоанн Антонович.

Отправляя Новикова, Прозоровский следующим образом характеризовал его в письме к Шешковскому: “Птицу Новикова к вам направил; правда, что не без труда вам будет с ним, лукав до бесконечности, бессовестен, и смел, и дерзок”. Прозоровский, преувеличивая значение дела о личной “злонамеренности” Новикова, сам сознавал свое бессилие и неоднократно звал на помощь Шешковского: “Сердечно желаю, – писал он ему 4 мая, – чтобы вы ко мне приехали, а один с ним не слажу. Экова плута тонкого мало я видывал”. Затем, в ответ на письмо Шешковского, в котором тот тоже жаловался, что устал от следствия, он отвечал: “Верю, что вы замучились, я не много с ним имел дела, да по полету уже приметил, какова сия птичка!” В письмах Прозоровского к Шешковскому много таинственного, встречаются какие-то намеки, полуслова: “дело нежное”, “в случае остерегите” и т. п. Вообще, делу Новикова придавалось несоответственно большое значение. Об этом можно судить уже по одному письму Прозоровского от 24 августа, которое он послал со вторым нарочным курьером: “При отправке нынешнего курьера ошибкой директор моей канцелярии не приложил бумаги при реляции к Е. И. Величеству… Бумага сия есть развратное их мнение об Адаме. Того для при сем оную прилагаю, отправляю другого нарочного для догнания первого курьера и прошу Ваше Превосходительство при подписании всеподданнейших моих Ее Величеству донесений и сию бумагу поднести”.

Не успел еще Новиков оправиться от своего путешествия, как перед ним уже предстал грозный Шешковский, одно имя которого наводило в те времена ужас. Шешковский предложил Новикову вопросные пункты, на которые тот должен был отвечать письменно. Новиков отвечал на 57 вопросных пунктов и еще на 18 дополнительных. Некоторые вопросы делались на *вы,* другие на *ты.* Говорят, что по окончании допроса Шешковский предложил Новикову дать подписку в том, что он отрекается от своих убеждений и считает их ложными. Но тот отказался это сделать. Очень возможно, что, кроме разных соображений того времени, самый вид и способ ответов Новикова внушали

подозрение.

К выразительным, энергичным чертам его лица, сохраненным нам портретом Боровиковского, вот что добавляет еще княгиня Е.Р. Дашкова в письме к И.В. Лопухину: “Мне он тотчас бросился в глаза, и я бы тотчас узнала его, без всяких ваших рекомендаций, по одному его черному пастырскому кафтану, по его башмакам с черными же, особенно глянцевитыми пряжками. Лицо его открыто, но не знаю, я как-то боюсь его: в его прекрасном лице есть что-то тайное…”

Более двух месяцев Новиков томился неизвестностью относительно решения своей участи. Полагают, что императрица была несколько разочарована его показаниями. Он оказался менее виновным, чем она ожидала, и, может быть, поэтому медлила с подписанием приговора. Но предубеждение одержало верх, и 1 августа 1792 года вышел наконец указ, которым определялось Новикову наказание. В этом указе перечислялись сначала вины Новикова, сводившиеся к следующему: Новиков, признававшийся вредным государственным преступником, имевшим сообщников, обвинялся в составлении вместе с ними тайных сборищ, на которых произносились клятвы с целованием креста и Евангелия, в повиновении ордену розенкрейцеров и в сохранении его тайн. Они, т. е. Новиков и его сообщники, подчинялись герцогу Брауншвейгскому помимо законной власти; были в переписке с принцем Гессен-Кассельским и с Вельнером во время “недоброхотства” Пруссии к России, чем нарушали верноподданническую присягу. Они издавали и продавали “непозволенные, развращенные и противные закону православному книги” даже после двух запрещений и завели тайную типографию. В уставе ордена, писанном рукой Новикова, значатся храмы, епископы, епархии, миропомазание и другие установления, свойственные лишь церкви, а показания Новикова, что все это лишь аллегорические выражения для придания вящей важности обществу, свидетельствуют еще больше о том, что для колебания “слабых умов” употреблялись коварство и обман.

Затем говорилось, что хотя Новиков и не открыл своих тайных замыслов, но всего сказанного довольно, чтобы подвергнуть его, по силе законов, “тягчайшей и нещадной казни”; но Екатерина, “следуя сродному ей человеколюбию и желая оставить ему время на принесение в своих злодействах покаяния”, ограничивалась приказанием “запереть его на 15 лет в Шлиссельбургскую крепость”.

Замечательно, что такая кара постигла лишь одного Новикова. Из всех его товарищей, названных в указе “сообщниками”, пострадали только двое, да и то очень легко.

Наиболее виновными из них были признаны князь Н. Трубецкой, Тургенев и Лопухин. Все они привлекались Прозоровским к допросу по 18 пунктам, присланным Екатериной, после чего им было объявлено, что они ссылаются на жительство в свои отдаленные поместья с воспрещением выезжать за пределы своей губернии.

Князь Н. Трубецкой и Тургенев подверглись объявленному им приговору; что же касается Лопухина, боявшегося огорчить своей высылкой старого больного отца, то он сумел избежать и этого сравнительно ничтожного наказания благодаря смелому и прочувствованному обращению к императрице, приложенному им к своим письменным показаниям. Обращение это, в котором Лопухин энергично оправдывается в возводимых на него обвинениях, было так искренне написано, что тронуло Екатерину до слез и побудило ее простить Лопухина и разрешить ему остаться в Москве под наблюдением начальства. При этом с него было взято честное слово, что он отстанет от своих прежних московских связей. Во время производства следствия над Новиковым, Лопухиным, Н. Трубецким и Тургеневым подверглись обыскам и допросам и некоторые другие члены розенкрейцерства; но все это было предоставлено уже низшим полицейским чинам и не имело никаких последствий. Так, мы знаем, что к Гамалее являлся полицейский чиновник и, желая по сердечной доброте помочь ему написать получше показания, стал учить его, как писать, на что Гамалея ответил: “А разве можно лгать да еще при этом нарушать присягу”, и стал так убеждать чиновника следовать всегда по пути христианского закона и нравственности, что тот прослезился, стал работать над своим нравственным усовершенствованием и называл потом Гамалею своим благодетелем. После решения участи Новикова Гамалея переехал в Авдотьино и стал жить с детьми Новикова. Он прожил в Авдотьине тридцать лет, занимаясь чтением и переводами душеспасительных сочинений, и там же и умер. Брат Новикова к делу не привлекался, хотя Прозоровский и доносил о нем, что он “лих и фанатик”. Некоторых из участников и близких к делу лиц Прозоровский характеризовал совсем иначе: “Князь Юрья Трубецкой глуп и ничего не значит”,– писал он Шешковскому, – “Татищев глуп” и т. п. Хотел ли при этом он выгородить их из дела или искренно был о них такого мнения – сказать довольно трудно.

Так окончилась деятельность Новикова, его друзей и единомышленников. Теперь остается только выяснить, за что постигло Новикова такое тяжелое наказание по сравнению с другими участниками? Чем объяснить такую неравномерность в

наказаниях, а также и то обстоятельство, что императрица, преследуя мартинистов, выместила все свое раздражение на человеке, который был гораздо менее усердным масоном, чем другие, а занимался, главным образом, практическим делом распространения просвещения в России? Объяснение этого, как нам кажется, заключается в следующем: императрица начала борьбу с мартинистами не за принадлежность их собственно к масонству. Она могла лично не сочувствовать масонству, смеяться над ним, презирать его, считая его шарлатанством, но до тех пор, пока масоны не выступили на поприще общественной деятельности и не сделались силой в глазах общества, она их не трогала. Затем, начав преследование, она вооружилась только против московских масонов, оставляя без всякого внимания петербургских, продолжавших спокойно существовать у нее под боком. Последнее обстоятельство можно объяснить именно только тем, что петербургские масоны ограничивались в своей деятельности простой благотворительностью и никакой роли в общественной жизни не стремились играть. Новиков был человеком выдающимся, умевшим собирать вокруг себя людей, воодушевлять их своими идеями и заставлять действовать. За какое бы дело он ни взялся, будь то издание журнала, устройство школы, типографское дело, – он постоянно обращался к обществу, просил его содействия и успевал собрать около себя кружок людей, безусловно ему доверявших и готовых жертвовать для задуманного им дела и временем, и трудом, и даже всем своим состоянием.

Так, например, Походяшин, обладавший очень большими средствами, совершенно разорился из-за трат на предприятия компании и умер в бедности, сохраняя, однако, до последней минуты благоговейное воспоминание о Новикове.

Новиков провел в крепости четыре года. Жизнь его там была очень тяжела. Ему позволено было взять с собою только одну книгу – Библию, которую он и выучил там наизусть. Одно время он сидел безвыходно в камере, лишенный воздуха и какого бы то ни было развлечения, но потом ему позволили гулять внутри крепостного двора. По донесениям шлиссельбургского коменданта Колюбакина, чиновника тайной экспедиции Макарова и командированного тогдашним генерал-прокурором Самойловым некоего Крюкова для обозрения секретных арестантов и их содержания, видно, что Новикову приходилось плохо питаться и терпеть нужду в самой необходимой одежде и в лекарствах. Крюков, после того как ходатайство коменданта о лекарствах для Новикова было оставлено без последствий, говорит в своем донесении следующее: “Он (т. е. Новиков),

будучи одержим разными припадками и не имея никакого себе от этого пособия, получил, наконец, ныне внутренний желудочный прорыв, отчего и терпит тягчайшее страдание, он и просит к облегчению судьбы своей от вашего сиятельства человеколюбивейшего милосердия, а притом страждут они с Багрянским и от определенного им к содержанию малого числа кормовых…”

Просьбы Новикова о помиловании и об облегчении участи оставлялись без последствий. О нем точно забыли.

6 ноября 1796 года императрица умерла. Император Павел по восшествии на престол немедленно велел выпустить Новикова из крепости и предоставить ему полную свободу. В то же время князю Н. Трубецкому и Тургеневу позволено было выехать из деревень, куда они были сосланы на житье, а с Лопухина снят был надзор. По совету коменданта Новиков отправился прямо к себе в Авдотьино и прибыл туда 19 ноября. Вот как описывает Гамалея в одном письме его возвращение: “Он прибыл к нам 19 ноября поутру – дряхл, стар, согбен, в разодранном тулупе”. Из детей больной сын “в беспамятстве подбежал к нему, старшая дочь в слезах подошла, а меньшая не помнила его, и ей надобно было сказать, что он ее отец”. “Некоторое отсвечивание лучей небесной радости, – говорит он далее, – видел я на здешних поселянах, как они обнимали Николая Ивановича, вспоминая при том, что они в голодный год великую через него помощь получали; и то не только здешние жители, но и отдаленных чужих селений”.

Не успел еще Новиков оправиться и отдохнуть от дороги, как в Авдотьино прискакал фельдъегерь с приказанием везти его в Петербург и представить государю. 5 декабря Новиков прямо с дороги, в дорожном платье и с отросшей бородой, был доставлен в кабинет к государю. Павел встретил его очень милостиво и с ласковым упреком сказал: “Как же я тебя освободил, а ты не хотел меня поблагодарить?” Новиков извинился, говоря, что шлиссельбургский комендант посоветовал ему ехать прямо домой. Государь предложил Новикову вознаграждение за понесенные им гонения и убытки, но тот отказался от денежной помощи и просил его лишь об освобождении всех заключенных по его делу (до 8 человек) и о содействии скорейшей продаже своего имущества для уплаты долгов или о передаче его главному кредитору – Походяшину. Дело в том, что по приказанию покойной императрицы после ареста Новикова над имуществом его назначена была опека, которая должна была это имущество продать с аукциона и покрыть его долги; но дело затянулось, шла переписка и обычная волокита, и продажа не состоялась до самого освобождения Новикова. Государь обещал сделать все, что

будет от него зависеть, для скорейшей ликвидации его дел; вообще, очень обласкал его и беседовал с ним около часа. Заключенные по новиковскому делу были немедленно же освобождены, и Павел действительно первое время помнил о Новикове (даже спросил о его здоровье во время коронации у брата его Алексея Ивановича при представлении последнего в числе прочих дворян); но потом забыл о нем и не исполнил обещания относительно ускорения волокиты, которой подвергалось его имущество.

При вторичном возвращении своем в Авдотьино Николай Иванович принялся за приведение в порядок своих дел с целью уплаты долгов.

Несмотря, однако, на все его старания, дело это долго не приходило к развязке. В течение четырех лет оно переходило из одной инстанции в другую и привело к полному разорению не только самого Новикова, но и его кредиторов. Наконец в 1801 году состоялось между ними соглашение, в силу которого решено было освободить присутственные места от нескончаемого разбора дел Новикова и продать все его имущество не с аукционного торга, а хозяйственным образом, для чего и отдать все это имущество Походяшину, которому поручить продажу с тем, чтобы он по мере выручек платил по счетам кредиторов. Долги Новикова исчислялись в 753 537 рублей 43 с четвертью копейки. Эта громадная сумма достаточно говорит о том, как велико было доверие, которым пользовался в обществе Николай Иванович. После передачи всего имущества Походяшину Новиков остался при одном Авдотьине, которое было также уже заложено. На Авдотьино (Тихвенское тож) опека не распространилась, потому что оно находилось в нераздельном владении с братом, Алексеем Ивановичем, который и раньше им заведовал, и потом жил там с детьми Николая Ивановича, так что оно было оставлено, собственно, на его долю.

Остаток своей жизни Николай Иванович провел в крайней бедности, которая вынуждала его иногда даже обращаться к знакомым с письменными просьбами о денежном пособии. После его смерти и Авдотьино было продано за долги с аукциона. Купил его генерал-майор П.А. Лопухин. После смерти последнего жена его передала это имение в собственность московского комитета для разбора и призрения просящих милостыню, с тем чтобы комитет устроил в этом имении богадельню и больницу.

Последние годы жизни Новиков провел в уединении, изредка выезжая из Авдотьина по неотложным делам или к некоторым соседям, с которыми был дружен. Внук его, г-н Рябов, говорит, что он был удручен болезнями, несчастием своего семейства и

тягостным положением дел, особенно после смерти брата своего; не принимал никакого участия в литературе, почти со всеми прежними знакомыми расстался, кроме лишь очень немногих; что некоторые из них помогали ему денежными средствами, но что, в общем, твердость духа ему никогда не изменяла и что он всегда казался спокойным, не жаловался и терпеливо переносил свою судьбу. Вот что писал он сам. одному из друзей: “Силы мои изнуряются под тяжким бременем крестов; я так одряхлел, что вы бы меня не узнали”. Новиков действительно нес несколько крестов: на его старческих руках оказались двое больных детей – сын и дочь, у которых, как мы уже сказали, была падучая болезнь. Никакие медицинские средства не помогали. Николай Иванович в конце концов сам пытался лечить их и выписывал разные универсальные средства из-за границы, но бесполезно. Только одна из дочерей, Вера, хотя и слабого здоровья, служила ему утешением: она писала за него все письма, и он называл ее своим секретарем, а сам едва мог дрожавшею рукою подписывать фамилию.

Дом, в котором он жил, существует и до сих пор. Он построен на возвышенном берегу речки Северки и состоит из двух этажей. Николай Иванович занимал две крайние комнаты верхнего этажа, из которых одна служила ему спальней и кабинетом, а другая – библиотекой. На этом же этаже жил и больной его сын. Обе дочери помещались внизу под комнатой брата, а под кабинетом Николая Ивановича жила вдова Шварца. Гамалея занимал большую комнату внизу же. Новиков вел очень регулярный образ жизни: вставал в 4 часа утра, выпивал чашку чая и до 8 часов занимался чтением или письмом за своим письменным столом. В первом часу подавали обед, к которому собирались все, кроме двух больных детей. В это время Новиков имел обыкновение сообщать присутствующим о том, что он читал и что особенно обратило на себя его внимание. После обеда он отдыхал часа полтора или два; затем до чая, который пили в 7 часов вечера, Николай Иванович или гулял по своему огромному саду, занимавшему 12 десятин, или ходил на гумно, в ригу и на деревню, где у него было много пациентов, которых он небезуспешно лечил. Вообще, Новиков после своего освобождения приложил много стараний к устройству своих крестьян: на деньги, полученные от залога в опекунский совет Авдотьина, он обстроил их и до конца жизни заботился о них как только мог. Неудивительно, что память о Николае Ивановиче долго сохранялась и жила в авдотьинских крестьянах. Особенно тепло и ласково относился он к крестьянским детям. Вот что рассказывала в 1858 году об Авдотьине Лопухина: “Крестьяне

этого села образованнее всех в окрестности живущих, знают грамоту и оканчивают все распри сами собою, помня сентенции стариков, слышанные ими от Николая Ивановича". Новиков очень много писал и диктовал, и после него осталось множество бумаг, которые неизвестно куда девались. До конца жизни он сохранил любовь к литературе и просвещению и еще в 1805 году выражал желание взять в аренду университетскую типографию с платою 11 тысяч рублей в год, но дело это почему-то не состоялось. Впрочем, более всего в этот период его занимали вопросы религиозно-мистического характера.

В 1812 году тихая жизнь его была потревожена нашествием французов. Все соседние помещики разбежались, а он не тронулся с места. Проникнутый христианским смирением и покорный воле Божией, он сказал: "Что Богу угодно, то и будет". Мародеры, однако, не потревожили его. Грабя в окрестностях, они боялись заходить в Авдотьино, рассчитывая встретить там засаду. Тут Новиков выказал опять свойственное ему человеколюбие и великодушие: он выкупал у крестьян французов, захваченных ими в плен, платя за них по рублю, лечил их, кормил, а по выходе неприятеля из Москвы сдавал их французскому начальству, не требуя, конечно, вознаграждения.

Своими сношениями с французами Новиков навлек на себя подозрение тогдашнего главноначальствующего Москвы, графа Ростопчина, который предписал даже бронницкому исправнику расследовать эти сношения. Новиков прожил в Авдотьине больше 20 лет после своего освобождения и умер семидесяти четырех лет от роду 31 июля 1818 года. Смерть произошла от удара, после которого он прожил, однако, еще более трех недель. Гамалея и обе дочери Николая Ивановича недолго прожили после него. Один только несчастный сын, лежавший в постели без всяких умственных способностей, оставался еще в живых. Возвращаясь в 1826 году из Петербурга, г-н Рябов заехал в Авдотьино поклониться праху деда и застал больного еще живым. О нем заботились новые владельцы Авдотьина, Лопухины.

Тело Николая Ивановича было похоронено 2 августа в авдотьинской церкви, им самим построенной. Могила его находится влево от алтаря, против иконы Спасителя.

ИСТОЧНИКИ

М.Н.Лонгинов. Новиков и московские мартинисты. М., 1867.

А. Незеленов. Николай Иванович Новиков, издатель журналов 1769–1785 гг. СПб., 1875.

А. Незеленов. Литературные направления в Екатерининскую эпоху. СПб., 1889.

А. Неустроев. Историческое разыскание о русских повременных изданиях и сборниках за 1703–1802 гг. СПб., 1874. – "Сборник русского исторического общества". Т. 2. СПб., 1867; Т. 27. СПб., 1880.

Журналы Новикова "Трутень", "Живописец", "Кошелек" и др.

Н. Полевой. История русской литературы. СПб., 1878.

А. Пыпин. – "Вестник Европы", 1867, 1868 и 1872.

Ефремов. Материалы истории русской литературы.

Афанасьев. Русские сатирические журналы 1769–1774 гг.

Ешевский. Сочинения, Т. 3.

"Московские ведомости" 1859 г. и "Библиографические записки" 1858–1859 гг.

Д. Корсаков. Из жизни русских деятелей XVIII века. Казань, 1891.

Кобеко. Цесаревич Павел Петрович.

notes

Примечания

здесь – просить управы.

2

“Сердце мое…” *(фр.)*.